ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 56 (2439) Среда, 14 июля 1948 г. Цена 40 коп.

Забота о народном богатстве

Внешне, может быть, скромен, но многозначителен трудовой подвиг кочегара Каширской районной электростанции Егора Павлова. Советский рабочий, через руки которого проходят тысячи тонн угля, уже в течение нескольких лет изучает режим работы котлов и топок. Как и на всех электростанциях, есть и на Кашире плановые нормы расхода топлива. Но беспокойный советский человек, всегда стремящийся вперед, — принципиальный противник пределов. Егор Павлов доказал, что при добросовестном хозяйском отношении к делу можно экономнее использовать топливо. За прошлый год он сберег государству 1700 тонн угля, а за пять месяцев этого года — 2 тысячи тонн. Это — суточная добыча крупной шахты Донбасса, на которой работают сотни людей!

На всех участках большого нашего социалистического хозяйства советские патриоты неустанно пекутся об охране и умножении народного богатства, смело пересматривают казавшиеся недавно незыблемыми нормы расхода сырья, топлива, материалов. Молодой сталевар Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь» Терентий Куприянов, изучая работу своей печи, пришел к выводу, что установленная норма расхода мазута на тонну металла явно преувеличена. Настойчиво и упорно добивался он снижения расхода мазута и добился блестящих успехов. Куприянов ежедневно экономит от двух до трех тонн ценного топлива. Опыт новатора стал уже достоянием всех сталеваров, и завод «Красный Октябрь» сэкономил за пять месяцев четыре тысячи тонн мазута. Молодые работницы Люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения Анна Баранова, Надежда Сергеева, Валентина Сачкова, изменив метод раскроя древесины, доказали, что можно сэкономить большое количество леса и ценных пород.

В этих будничных фактах—а их можно привести тысячи — волнующе и ярко отражена благородная черта морального облика строителя коммунизма, органически присущая советскому человеку забота о приумножении народного богатства, об обеспечении государственных интересов.

В ту пору, когда только закладывались первые камни фундамента социалистического строя, Владимир Ильич Ленин, отмечая историческое значение первых коммунистических субботников, писал: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом...»

Гениальная прозорливость Ленина видна во всей борьбе советского народа за построение коммунизма. Режим бережливости, экономии способствовал накоплению огромных средств для осуществления индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Самоотверженный труд советских людей, жесточайшая экономия во всех сферах хозяйственной деятельности создали в годы Отечественной войны важнейшую предпосылку для нашей победы над фашистской Германией.

Хозяйское, коммунистическое отношение к каждой государственной копейке, к каждому килограмму сырья, топлива — это норма поведения советского человека. Каждый день узнаем мы о новых замечательных успехах советских людей в борьбе за социалистическое накопление, за выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. Не так давно группа директоров крупнейших промышленных предприятий сделала ценный почин, отказавшись от государственной дотации, подняв знамя борьбы за безубыточную, рентабельную работу. Работники металлургической промышленности юга и центра в своем письме товарищу И. В. Сталину взяли на себя обязательство дополнительно, сверх плана, сэкономить свыше 200 миллионов рублей.

Радостным свидетельством растущего коммунистического сознания широких народных масс является также начавшийся по инициативе ленинского комсомола массовый поход молодежи за экономию. Со свойственным комсомолу задором, энергией, смелостью берется она за важное государственное дело.

На состоявшемся недавно в ЦК ВЛКСМ совещании по вопросам экономии приводились замечательные факты. В шахтах и металлургических предприятиях, в машиностроении, на транспорте, в сельском хозяйстве миллионы молодых рабочих и колхозников ведут успешную борьбу за снижение норм расходования металла, угля, руды, электроэнергии, за сохранение богатого урожая этого года. По далеко не полным данным, в результате этой работы только на промышленных предприятиях за последние месяцы молодежью сэкономлено 25 тысяч тонн жидкого топлива, почти 10 миллионов киловатт-часов электроэнергии, 100 тысяч тонн угля и более чем на 25 миллионов рублей других материалов. А ведь это только начало! Если вспомнить, что в 1950 году наши электростанции должны выработать 82 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, то нетрудно понять, что снижение расхода электричества хотя бы на один процент равносильно вводу в строй еще одной мощной электростанции. Вот о чем помнит наша славная молодежь, начиная великое и достойное ее дело.

Борьба за режим экономии — кровное дело миллионов наших рабочих, служащих, научно-технических работников. Нельзя примириться с недопустимыми фактами бесхозяйственного отношения к народному добру.

Недавно комсомольцы Кузнецкого угольного бассейна провели проверку использования механизмов и обнаружили в заброшенных штреках шахт запасных частей на несколько миллионов рублей. На стекольных заводах Министерства промышленности строительных материалов из-за плохой упаковки продукции бой стекла достигает 27 процентов.

О чем говорят такие факты?

О том, что у хозяйственников притупилось драгоценное для коммуниста чувство заботы о народном достоянии. Советское общество не может мириться с такой распущенностью и расточительством.

Всемерная поддержка передовых борцов за экономию, широкое распространение их опыта, разоблачение нерадивых расточителей народного добра — такова задача дня. В борьбе за режим экономии, за воспитание миллионов людей в духе коммунистического отношения к общественной собственности должно прозвучать и слово советского писателя.

Миллионы людей в нашей стране чутко прислушиваются и надолго запоминают живое слово инженеров человеческих душ. Еще и сегодня на предприятиях можно встретить плакаты с призывными строками В. Маяковского:

Сжимай экономии
каждый пятак.
Траты
учись стричь,—
Так
хозяйничать
звал Ильич.

Почему же не слышно голоса современных поэтов, призывающих на борьбу за экономию, за бережливость на производстве, в сельском хозяйстве, на транспорте?

Разве не заслуживает внимания советского писателя тема формирования коммунистического сознания людей в ходе практической борьбы за бережливость, в ходе войны против расточителей? Зарубежная литература посвятила немало произведений героям капиталистического накопления, движущими мотивами поведения которых является звериная, переходящая в манию жажда личной наживы за счет ограбления трудящихся, за счет нищеты, горя и голода миллионов. Принципиально иными являются движущие мотивы экономии, бережливости в нашем обществе.

Почетная задача советских писателей, очеркистов, журналистов — показать наших героев борьбы за экономию, наших финансистов, директоров предприятий, инженеров, рабочих, показывающих пример коммунистического отношения к народному добру и самоотверженно работающих для приумножения богатств общества.

Массовое, всенародное движение за экономию — яркое свидетельство торжества коммунистической морали, роста коммунистического сознания советских людей, их борьбы за построение коммунизма в стране, озаренной светом учения Ленина — Сталина.

Сельская учительница

Петр КИРИЛЛОВ



60 лет тому назад, в июльский полдень, в мордовское село Сабаево вошла юная русская девушка; в ее небольшом саквояже хранилась не так давно вышедшая и ею еще не прочитанная книжка — роман П. Мельникова-Печерского «На горах». В этом романе были описаны те места, в которых решила поселиться Александра Лавровская.

Молодой учительнице отвели жилище, похожее на амбар. Здесь обитала не та обрусевшая мордва, о которой писал Мельников-Печерский. Писатель-обруситель любовался мордвой, которая «совсем позабыла и древнюю веру и родной язык и преданье своей стороны». Впрочем, «местами мордва сохраняет свою народность», — прибавлял Печерский. Именно это в то время полностью относилось к Сабаеву.

Но глухо было то мордовское село! Оно вымирало от нищеты и болезней; число больных трахомой доходило до 70 процентов. 15 процентов хозяйств не имело лошадей, треть хозяйств — сельскохозяйственного инвентаря. Десятая часть крестьян была безземельна, батрачила у кулаков и в поместье барона фон-Шлиппенбаха. Бедняки жили в курных избах.

«Интеллигенцию» села представляли поп, дьячок, сельский писарь, становой пристав — все выходцы из других мест. Школой руководил полуграмотный дьячок, помещалась она в убогой церковной сторожке, а учились лишь дети священника, пристава да нескольких местных кулаков. Грамотных мужчин в Сабаеве было 5 процентов, грамотных женщин — 0,4 процента. Да и какая это была грамотность! Тому, кто умел расписаться, завидовали. Во всем Сабаеве, кроме церковного евангелия, не было ни одной книги, ни одной газеты.

Учить Александра Петровна начала без учебников, как подскажет сердце; какой тогда мог быть учебник для учеников, вовсе не знавших ни слова по-русски. Но Лавровская упорно и любовно изучала мордовский язык и к концу первого года своего новоселья стала своеобразной переводчицей — учила по русским учебникам, применительно к пониманию местных детей.

И вот минуло 60 лет... Июль 1948 года. Укрывшись в тени могучей сосны, на пологом берегу Суры сидит седая женщина, окруженная малышами; в петлице ее черного жакета блестит орден Ленина. Александра Петровна Лавровская, заслуженная учительница Мордовской АССР, все шесть десятков лет прожившая здесь, в Кочкуровском районе, в селе Сабаеве, читает ребятам по-русски повесть о грустной участи чеховского мальчика Ваньки Жукова.

Кончив читать, учительница рассказывает о днях собственной далекой юности, об ученье в симбирском женском епархиальном училище, куда была устроена хлопотами инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова. Она вспоминает домашний праздник в семье Ульяновых, где познакомилась с гимназистом Володей, приходившимся ей сверстником.

До сих пор она читала все назидательные романы, рекомендованные училищным начальством. В семье Ульяновых ей посоветовали прочитать лучше книги Белинского и Чернышевского. И тут же дали такую книгу, предупредив, что ее не должны видеть преподаватели «епархиалки».

За первой книгой она получила вторую и третью. Так она, тайком от учителей и от подруг, перечитала основные произведения великих русских писателей-демократов. Именно в ту пору она решила стать учительницей.

И с той далекой поры, с осени 1888 года, обучившись мордовскому языку, Александра Петровна стала собирать вокруг себя сабаевскую молодежь, организовала вечернюю школу для взрослых. Весной ей впервые довелось быть на языческом мордовском празднике—«проводах весны». Она использовала его по-своему: прочитала собравшейся молодежи стихи Пушкина, рассказала о Белинском. Пожалуй, Александра Петровна была одним из первых «составителей подстрочников» Пушкина—ими она увлекала мордовскую молодежь.

Но эти же «подстрочники» возбудили особый интерес и станового Щеглова. Он пригрозил «учителке» тюрьмой; а через несколько дней Лавровская была вызвана на учительский совет в уездный город, где получила строгий выговор и предупреждение об увольнении.

Отныне она жила под назойливой опекой станового пристава — частого гостя на ее уроках; дома у Лавровской Щеглов изводил ее оскорбительными поучениями.

Лавровская решила твердо продолжать начатое дело. Говоря, что хочет, мол, «помочь ученикам», она ходила по избам и при свете лучины читала неграмотным мужикам и бабам русские книги. Сабаево стало, пожалуй, первым мордовским селом, узнавшим стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. То были только «подстрочники», но сила авторского гения искупала шероховатость переводов Лавровской. Мельникова-Печерского она так и не прочитала сабаевцам, так как его роман был бы оскорблением их национальному чувству...

Проходили годы, десятилетия, — уже не только одна Александра Петровна, но и ее ученики старшего поколения читали Льва Толстого, Гаршина, Успенского. Сабаевская молодежь далеко окрест распространила вкус к литературе, удивление перед силой ее лучших творцов.

Если вначале родители боялись отпускать детей на ученье, то теперь от учащихся не было отбоя. Возник вопрос о постройке школы, и она, несмотря на упорное сопротивление земского начальника барона фон-Шлиппенбаха, была построена сабаевцами на их же скудные средства. Это произошло через десять лет после приезда Александры Петровны в село. Уже к этому времени интерес к книге так возрос, что Александра Петровна, отдававшая почти все свое жалованье на покупку книг, стала для этого собирать деньги по селу.

Так работала она двадцать девять лет. Наступил февраль 1917 года. Большие надежды возлагала учительница на свершившееся; с петицией, под которой подписались все сабаевцы, она поспешила в уездный город просить о средствах для организации библиотеки и о присылке в Сабаево второго учителя. Но в ведомстве народного просвещения Александру Петровну встретили те же чиновники, что были и при царе. Тут был тот, который грозил ей увольнением за пропаганду среди мордвы стихов Пушкина. Он постарел, обрюзг, но был спокоен. Библиотеку в Сабаеве не открыли и во втором учителе отказали.

Только после Великого Октября все пошло по-иному. В село возвращались ученики Лавровской — фронтовики; многие из них были большевиками. Они вместе со своей учительницей стали хлопотать и о расширении школы, и о библиотеке, и о многом другом. В том же году к Александре Петровне на помощь приехали две учительницы. В Сабаеве организовали библиотеку.

Лавровская вдохновенно повторяла слова своего давнего знакомого — Владимира Ульянова, произнесенные им в июне 1918 года на с'езде учителей-интернационалистов: «Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии.— так сказал Ленин. — Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся».

Лавровская исповедывала именно то, что говорил Ленин, она доказала это трудами многих десятков лет своей жизни в Сабаеве. Она была одной из первых учительниц, веривших в то, во что верят и чему служат теперь сотни тысяч учителей.

И сабаевцы многие годы подряд избирали Лавровскую в члены сельского совета и волостного исполнительного комитета. Она — участница многих уездных и губернских с'ездов учителей и совещаний по народному образованию. Она организует школу ликбеза, мобилизует на это дело лучших своих учеников многих возрастов. Сотни сабаевцев ликвидировали неграмотность в сельском ликбезе. Более половины их Лавровская обучила сама.

Евдокия Кавтайкина, окончившая ликбез, первая на селе подала заявление о вступлении в колхоз; ее прозвали «коммунихой». Другая ученица ликбеза—звеньевая Агриппина Учайкина — в прошлом году избрана депутатом районного совета.

Где теперь то старое Сабаево времен Мельникова-Печерского! В центре села высится новое здание средней школы, в нем учатся 650 молодых колхозников.

В избе-читальне много книг и на русском и на мордовском языках; за эти годы сложилась советская мордовская литература, к которой протоптала дорожку также и русская учительница Лавровская. За годы сталинских пятилеток в селе построены два завода — пеньковый и бондарный. Строят клуб и радиоузел. Интеллигенцию села представляют двадцать пять учителей, врачи, агрономы, агротехники, мелиораторы, работники почты, телефонного узла, библиотекари, работники сельпо, сельского совета, трех правлений сабаевских колхозов, инженеры, техники двух заводов. В колхозах есть своя техническая интеллигенция; здесь никого не удивит колхозник со средним образованием.

Рядовой колхозник-пастух Сергей Калачин читает повесть Горького «Мои университеты» в переводе на мордовский язык. Знатный пчеловод Мордовии Егор Петрович Лачин интересуется книгами по энтомологии. Миновала поэтика невежества, восхищавшая Печерского, трогавшая в нем «этнографическую жилку»!..

Недавно мне довелось быть в Сабаеве на колхозном собрании. Колхозники спорили не только фактами и цифрами, но и цитатами из Ленина, Сталина, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Крылова. Приятно было услышать и ссылки на автора мордовского сатирического романа «Ефим Лавгинов» Коломасова; коломасовский герой стал нарицательным именем для лодырей и болтунов.

В разгар прений о состоянии трудовой дисциплины на собрание пришла Александра Петровна. И юные, и бородатые, и убеленные глубочайшими сединами колхозники поднялись с мест. В зале наступила тишина: так встречали ученики — здесь все были только ее ученики! — свою учительницу. Она обучила грамоте около трех тысяч сабаевцев. Среди них теперь 70 офицеров, 60 педагогов, 18 инженеров, 12 агрономов, 11 врачей, более полутораста трактористов и шоферов.

Недаром почтальон ежедневно приносит Лавровской охапки писем со всех концов СССР. Пишет начальник погранзаставы капитан А. Дадаев: «Я благодарю вас и признателен вам, как сын. Если мать моя вспоила и вскормила меня, то вы, Александра Петровна, научив меня грамоте, открыли мне путь к самому большому счастью — сознательному служению народу».

В день 60-летия работы Лавровской в селе три тысячи сабаевцев и гости из близлежащих сел пришли на берег Суры, на ту поляну, где Александра Петровна впервые им прочитала запретные стихи Пушкина. Из дальних мест с'ехались представители многих профессий — ученики Лавровской. Президиум заседал на берегу Суры. Александру Петровну окружили 59 возрастов ее учеников. По правую руку сидел 68-летний пчеловод Лачин, по левую руку—его 8-летняя внучка Лена. Руководители трех колхозов, сельского совета, районных и республиканских организаций, инженеры, офицеры, журналисты, писатели и т. д. поздравляли Лавровскую и в ее лице благодарили великий русский народ.

— Ребята! — растерявшись, сказала Лавровская. — Дети мои! Товарищи! Нет большей радости, чем жить с народом, отдать все скромные знания народу, видеть, как наша Мордовия стала счастливой советской землей.

— Вы не все сказали, Александра Петровна! — возразил Лачин, поглаживая седую бороду. — Вы не сказали о себе! Заговорив с нами на русском языке, вы пробудили в нас интерес к мордовскому языку, к его обилию, точности, живописности.

Александра Петровна опустила голову:

— Уж не знаю, так ли это...—И промолвила еще тише. — Мне хочется вспомнить в этот час того, кто дал возможность всем нам выйти на дорогу счастья, — Владимира Ильича. От всего сердца хочется пожелать долгих лет жизни тому, кто помог всему народу создать лучшую жизнь, — нашему родному Иосифу Виссарионовичу.

...Поздний вечер. Багровая луна осветила медлительные воды Суры. И стар и млад —люди 59 выпусков, ученики Лавровской — медленно провожали ее к дому. Ее окружали совсем юные и состарившиеся люди, и в этом была особая наглядность счастья всех ее шестидесяти творческих учительских лет.

Илларион Янкин—директор Пышминского рудоуправления

Почти пятнадцать лет проработал Илларион Янкин на медных шахтах Урала — рядовым бурильщиком, начальником участка, начальником горизонта. Около восьми лет назад Илларион Янкин стал известен стране, как выдающийся новатор. В годы войны стахановец Янкин был удостоен звания лауреата Сталинской премии за внедрение многоперфораторного бурения на медных шахтах Урала. Его метод получил массовое распространение.

Воля к учебе и исключительное трудолюбие привели Иллариона Янкина в стены Свердловского горного института. Многие дни провел Илларион Янкин над книгами и чертежами. С неменьшим рвением, чем в забое, взялся выдающийся новатор за учебу. Он учился упорно и настойчиво, успешно закончил институт и защитил дипломный проект с оценкой «отлично». Ему присвоено звание горного инженера.

На-днях министр цветной металлургии СССР тов. П. Ф. Ломако вызвал горного инженера Иллариона Янкина в Москву и назначил его директором Пышминского рудоуправления Главмеди на Урале. Перед стахановцем, ставшим инженером, открывается новое, большое поле деятельности в стране, где стираются грани между трудом физическим и трудом умственным.

По следам выступлений «Литературной газеты»

В ЗАЩИТУ ОЛИ ПЕТРОВОЙ

Так была озаглавлена напечатанная в нашей газете статья Агнии Барто. В ней рассказывалось о судьбе девочки Оли Петровой, о том, как бездушный отец хотел вырвать Олю из приютившей ее новой семьи. После появления статьи дело разбиралось в Московском городском суде. Как уже сообщалось в нашей газете, суд отказал В. Д. Петрову в возвращении дочери и решил оставить ее на воспитание в семье П. З. Новик-Бам. Одновременно редакция выразила свое недоумение по поводу того, что городской суд отказал в иске о лишении Петрова родительских прав.

На-днях это дело, по кассационной жалобе В. Д. Петрова, разбиралось в Гражданской коллегии Верховного Суда РСФСР под председательством заместителя председателя Верховного суда тов. А. В. Мясниковой. Верховный суд определил, что Московский горсуд, отказавшись лишить Петрова родительских прав, поступил неправильно. Это решение «является необоснованным и по существу противоречит установленным по делу обстоятельствам». Петров фактически своих родительских прав по отношению к Оле не осуществлял, выполняя лишь законом возложенные на него обязанности по выплате алиментов. Будучи осведомленным о безнадзорном состоянии девочки, когда тяжело болела ее мать, Петров не только не проявил заботу о судьбе девочки, но даже дважды отказывался принять ее в свою семью. Поэтому требование о лишении его родительских прав является обоснованным и соответствует статье 33 Кодекса законов о браке, семье и опеке.

Верховный суд оставил кассационную жалобу В. Д. Петрова без последствий, и, таким образом, Оля остается в семье Новик-Бам. Вместе с тем Верховный суд отменил решение городского суда о сохранении за Петровым родительских прав и определил дело в этой части передать на новое рассмотрение в Московский городской суд в ином составе с участием прокурора.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Москва.** Архитектурно-проектная мастерская Министерства просвещения РСФСР разрабатывает типовые проекты детских садов-дач, отвечающих всем требованиям педагогики и гигиены.

Каждая дача рассчитана на 100, 150, 200 детей. Это небольшие одноэтажные домики, возле которых оборудуются физкультурные площадки, устраиваются огороды и ягодники.

◆ **Ташауз.** (Туркменская ССР). В областном краеведческом музее собрано много ценных материалов об историческом прошлом Хорезмского оазиса. Для сбора новых экспонатов организуется комсомольская научно-краеведческая экспедиция к развалинам крепости Измушкир и гробницы Исмамут-Ата.

◆ **Петропавловск.** (Казахская ССР). Большая художественная панорама, изображающая подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, установлена для обозрения в городском парке культуры. Автор панорамы — петропавловский художник, участник Великой Отечественной войны тов. Родин.

◆ **Тбилиси.** На родине выдающегося грузинского писателя Ниношвили — в селении Чиквети, Ланчхутского района, открыт дом-музей. По рассказам друзей Ниношвили, работники музея записали воспоминания и готовят монографию о нем.

◆ **Омск.** Областное издательство начало выпуск «Библиотечки колхозника». Уже вышли из печати популярные брошюры о снегозадержании, подготовке семян к севу, предпосевной обработке почвы.

Всего в «Библиотечку колхозника» входит около 20 хорошо оформленных книжек.

◆ **Киев.** Свыше 1.200 постоянных сельских лекториев работают на Украине. В них читают лекции около 10.000 представителей интеллигенции, руководители партийных и советских организаций и знатные колхозники.

◆ **Нукус.** Союз советских писателей Кара-Калпакии готовит к тридцатилетию ВЛКСМ литературный сборник, посвященный комсомолу республики. В сборник войдут рассказы и очерки шести местных писателей.

Юбилей „Калевалы"

Сто лет назад героический эпос карело-финского народа — «Калевала» — впервые увидел свет. Собранные и записанные известным исследователем Лённротом руны «Калевалы» об'емом в двадцать две с лишним тысячи стихотворных строк донесли до нас историю народа, рассказали о его быте и нравах, о его мировоззрении, чаяниях, идеалах.

В апреле 1949 года народ Карело-Финской республики — создатель и герой этого бессмертного памятника поэзии — будет праздновать столетний юбилей первой публикации своего национального эпоса.

О подготовке к юбилею рассказал в беседе с нашим корреспондентом председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР тов. Отто Куусинен.

— Столетие «Калевалы», — говорит тов Куусинен, — будет подлинно всенародным праздником. Задолго до юбилея устраиваются лекции и выставки, посвящаемые этому образцу эпической поэзии. На специальной научной сессии карело-финские и русские исследователи «Калевалы» расскажут об основных чертах эпоса, о том, как расцветает народное творчество в нашей стране.

— К юбилейным дням,—продолжает тов Куусинен, — будет выпущено новое издание «Калевалы» на финском и русском языках. Оптимистический и прогрессивный дух эпоса делает его близким мировоззрению и пониманию современного советского читателя. Открыть перед ним животворную силу карело-финской поэзии—основная цель этого издания. Мы назвали его «Избранные руны «Калевалы», так как оно будет несколько сокращенным по сравнению с появившимся в 1849 году изданием Лённрота. Из'ята часть сказаний наиболее позднего происхождения и повторные варианты. Первый раздел составят руны, отражающие мировоззрение древнего народа (о сотворении мира, происхождении огня, железа и т. д.), во втором публикуются руны эпические (о подвигах героев «Калевалы») и третий раздел — лирические. Такое построение обеспечит большую цельность композиции эпоса и облегчит его восприятие.

Новое издание «Калевалы» на русском языке выпускается в переводе Л. Бельского. Шестьдесят лет назад первый перевод «Калевалы» был большим вкладом в карело-финскую и русскую культуру. Но он уже не удовлетворяет требованиям современного читателя. Русский текст менее поэтичен, язык его беднее; ритмика более монотонна. Он не доносит живой образности оригинала, полного его своеобразия и музыкальности. При современном состоянии поэтического искусства мы вправе требовать более совершенного перевода «Калевалы». К сожалению, он не может быть осуществлен к юбилею, но мы надеемся включить в наше издание несколько рун в переводе С. Маршака.

Образы героев эпоса будут воспроизведены в многочисленных новых иллюстрациях, над которыми работают лучшие художники Карело-Финской ССР.

НОВЫЙ АСТРОФИЗИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

СИМФЕРОПОЛЬ. (Наш корр.). В окрестностях Бахчисарая, в селе Партизанском, началось строительство филиала Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР. Атмосферные условия этой местности наиболее благоприятствуют астрономическим наблюдениям.

Одновременно заканчивается восстановление самой Крымской обсерватории, как известно, разрушенной немцами до основания. Реконструированная обсерватория и ее филиал будут снабжены самым совершенным оборудованием, отвечающим современным требованиям науки.

В Симеизе уже возобновились исследовательские работы, являющиеся продолжением интересных наблюдений довоенного времени, когда астрономы обсерватории открыли 9 новых комет, свыше 100 малых планет и более 300 переменных звезд (из общего числа 1.000 новых переменных звезд, открытых советской астрономией за последние 30 лет). Директор обсерватории академик Г. А. Шайн, пользуясь мощным рефлектором, исследовал большое число двойных звезд. Он обнаружил, между прочим, эффект вращения звезд вокруг своих осей и установил присутствие изотопов углерода в атмосфере некоторых небесных тел. Вместе с сотрудником обсерватории В. А. Альбицким академик Г. А. Шайн составил каталог лучевых скоростей, особо трудных для наблюдения звезд. Здесь выполнен также ряд других важных работ, выдвигающих советскую астрономию на одно из первых мест в мире.

Производимые сейчас исследования динамики и структуры звездных систем, физики солнца и звезд значительно обогащают советскую науку новыми данными о мире, лежащем за пределами нашей планеты.

А. ЛИТВАК

ПОПРАВКИ ЖИЗНИ

Помните ли вы, как в романе Валентина Катаева «Время, вперед!» беседуют два инженера — Налбандов и Маргулиес? Первый — дежурный по площадке, второй — начальник участка, где разворачивается соревнование магнитогорцев с харьковчанами. На участке грохотал бетон, сваливаемый в открытый трап опалубки, «время мелькало и моросило секундами», а здесь, в конторке начальника, шел такой разговор:

«— Надеюсь, мне вам не надо напоминать, — негромко и слишком спокойно сказал Налбандов,—что меньше двух минут на каждый перемес не полагается. Это азбучная истина. Вы можете ее найти в любом учебнике.

Он нажал на слове «учебник».

— Между тем, вы позволяете у себя на участке делать один перемес в одну и две десятых минуты.

— Для нас сведения, заимствованные из любого учебника, не обязательны. Учебники выходят каждый год в исправленном и дополненном виде».

Налбандову этого об'яснения кажется мало. Он настаивает на своем:

«— Это все прекрасно, но в данном году рекомендуется руководствоваться учебными пособиями данного года. Не так ли?

— Почему же нам не воспользоваться поправками будущего года, если мы открываем их в настоящем?

— Ах, вы хотите опередить время?

— Мы хотим выполнить промфинплан.

— Не во-время!

— Итти вперед всегда во-время».

Так в годы первой пятилетки вдумчивый и наблюдательный писатель отразил в романе, посвященном труду советских людей, спор между сторонниками зафиксированных в учебниках канонов и представителями передовой революционной практики, прокладывающей дорогу в науке. Итти вперед всегда во-время!.. С таким выводом согласен писатель.

Спустя три года после появления романа В. Катаева мы увидели, как выросли его герои —Ищенко, Ханумов, Солдатова, Корнеев и другие. В 1935 году мы в облике первых стахановцев узнали знакомые черты магнитогорцев, описанных автором романа «Время, вперед!»... «Итти вперед всегда во-время», — это стало нитью жизни рядовых, скромных людей, выросших культурно, умеющих ценить фактор времени в работе и не побоявшихся восстать против отживших норм и представлений даже тогда, когда эти нормы и представления были незыблемо закреплены на страницах учебников.

Известно, что при возникновении стахановского движения находились среди инженеров, техников, научных работников люди, которые рассуждали подобно Налбандову. Ополчаясь против стахановской нови, они нажимали, как Налбандов, на слово «учебник». Со всем авторитетом знатоков они настойчиво рекомендовали «в данном году руководствоваться учебными пособиями данного года». Жизнь не послушалась их советов.

В книге знаменитого стахановца второй пятилетки Макара Мазая «Записки сталевара» много места было уделено революционному воздействию практики на науку, приведшему к необходимости пересмотреть ряд учебников. Несколько раз возвращался к этому вопросу в беседах с Мазаем Серго Орджоникидзе... С каким удовлетворением отмечал покойный командарм социалистической индустрии пример академика Михаила Александровича Павлова! Последний, как известно, решительно пересмотрел свою книгу сообразно с поправками, внесенными жизнью, когда жизнь опрокинула целый ряд положений стабильного учебника, по которому училось несколько поколений металлургов.

В послевоенное время передовая наука не только не отказалась от традиций предвоенных пятилеток, но и подняла эту традицию на новую высоту. Академик Л. Д. Шевяков решил коренным образом переработать и расширить в новом издании своего учебника главу, посвященную откачке воды из шахт. Еще три года назад практика восстановителей Донбасса, в нынешнем году отмеченных Сталинской премией первой степени, позволила академику Шевякову внести серьезные изменения в учебник. Жизнь подсказала академику новые страницы его труда. Таким образом, еще задолго до присуждения Сталинских премий наука воспользовалась «поправками будущего, открытыми в настоящем».

Но всюду ли и всегда ли идет в этом смысле наука в ногу с жизнью? Не приходится ли еще сегодня напоминать некоторым составителям учебников о необходимости держать контакт с практиками?

Увы, к сожалению, это приходится еще делать и сегодня. Некоторое время назад комиссия Министерства высшего образования, ознакомившаяся с учебником члена-корреспондента Академии наук профессора Н. С. Стрелецкого «Стальные конструкции», вернула автору учебник для переработки, предложив осветить передовые стахановские методы и достижения. Экспертная комиссия Министерства высшего образования вернула также и профессору Бежицкого института транспортного машиностроения М. Т. Мержанову его учебник «Производство вагонов», чтобы он пополнил труд описанием методов работы передовых стахановцев-вагоностроителей.

Эти примеры не единичны.

Недавно в Машгизе мы познакомились с рецензией на учебник «Технология металлов». Рецензенты, анализируя раздел, посвященный сварке, написали: «Учитывая все большее значение, которое приобретает в нашей промышленности автоматическая сварка под слоем флюса, следует расширить этот раздел по крайней мере в два-три раза, дав основные сведения о технологическом процессе и применяемом оборудовании».

Поразительный факт: в третьем, решающем году пятилетки приходится напоминать авторам учебника по технологии металлов о необходимости **подробно** описать выдающиеся, широко известные работы Института электросварки Академии наук УССР имени Е. О. Патона, приходится напоминать об автоматической сварке под слоем флюса!

Редакторы с сожалением отмечают, что в учебных пособиях обычно бывают описаны те стахановские достижения, которые территориально ближе автору; описание передового метода, родившегося в другом городе, может в учебник и не попасть. Наблюдают ли ученые-машиностроители за достижениями известного новатора Корнева?.. Увы, нет! А ведь Корнев соревнуется с Российским. Но Николай Российский—в Москве, его работа—в поле зрения научно-исследовательских институтов и профессуры Москвы, и она может поэтому попасть в учебник. Корнев же—в Краматорске, и за его работами никто не наблюдает.

Беседуя с редакторами Стройиздата, мы задали вопрос:

— Когда могут попасть в учебник и достижения новаторов «Запорожстали»?

И узнали, что это может случиться не раньше... 1950 года. Учебники 1948 года уже изданы или подписаны к печати; учебники, которые будут составлены и сданы авторами в нынешнем и будущем годах, выйдут в свет не раньше 1949 — 1950 гг. Если так, — а в этом сомневаться не приходится, — то не следует ли ввести в практику оперативное ускоренное издание **дополнительных глав к существующим учебникам,** глав, в которых отражалась бы оправдавшая себя практика передовых стахановцев, инженеров, техников?

Такое предложение следовало бы обсудить. Конечно, не всякая практика достойна такого быстрого описания и издания. Есть целый ряд усовершенствований и рационализаторских мероприятий, без освещения которых в учебниках можно свободно обойтись, но будет обидно, если метод строительства цельносварных доменных печей, осуществленный в Запорожье, или метод кладки трубопроводов, предложенный запорожским стахановцем Румянцевым, попадут в учебник только в конце пятилетки. Большие, значительные достижения, коренные улучшения методов работ, апробированные жизнью, должны найти отражение в дополнительных специальных главах учебников. К такой практике издания следует, по нашему мнению, приступить, не теряя времени.

Среди разнообразных фильтров, через которые пропускается учебник, прежде чем он выходит в свет, должен быть и такой, который носит название: живой опыт производственников. Недавно рукопись учебника академика Е. А. Чудакова «Расчет автомобиля» послали на рецензию рядовому инженеру-производственнику. Замечания этого инженера оказались дельными и существенными. Возможен случай, когда автору учебника не известны достижения производственников, и в этом случае совет рецензента—инженера-практика может быть очень полезен.

Держать руку на пульсе жизни — святая обязанность каждого научного работника, особенно того, кто берется за составление нового учебника.

Надо открыть дорогу стахановскому опыту в учебники, по которым учатся будущие командиры производства. Поправки, вносимые жизнью, помогут нашей молодежи, готовящейся стать инженерами и техниками, осмыслить большой и практический опыт, уже накопленный передовыми производственниками. И этот опыт, несомненно, станет базой новых достижений на пути к дальнейшему прогрессу науки и техники.

О преподавании литературы в школе

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ,
министр просвещения РСФСР

Литература является одним из важнейших предметов учебного плана средней школы. Нет надобности доказывать, как велико ее образовательное и воспитательное значение в формировании личности советского молодого человека, в подготовке будущих активных строителей коммунистического общества. Изучение литературы предоставляет исключительные возможности для формирования у школьников марксистско-ленинского мировоззрения, воспитания коммунистической морали. Правильно поставленное преподавание литературы явится мощным средством идейно-политического воспитания учащихся.

Наша учащаяся молодежь любит художественную литературу, особенно свою родную советскую литературу, увлекается ею, стремится глубоко изучить ее. Как правило, литература — любимый предмет наших школьников.

Между тем, преподавание именно этого важнейшего в идеологическом отношении предмета поставлено во многих школах неудовлетворительно.

Изучение истории литературы не используется или используется лишь в самой малой степени для воспитания у учащихся научного, марксистско-ленинского мировоззрения, не способствует выработке у них понимания социально-исторической обусловленности литературных явлений; учащиеся, оканчивая среднюю школу, часто не получают правильных представлений о методологии советского литературоведения. Если спросить выпускника средней школы, чем обусловлено возникновение тех или иных литературных явлений, чем об'ясняются особенности литературной борьбы в тот или иной период, то это поставит его в затруднительное положение.

Более того, история литературы до сих пор зачастую изучалась в школе не как общественно-исторический процесс, являющийся отражением классовой борьбы в области идеологии, а как сумма отдельных литературных произведений. Это изучение отдельных литературных фактов сопровождалось лишь весьма краткой характеристикой той или иной исторической эпохи, причем, как правило, анализ развития литературы в данный период отрывался от характеристики эпохи. Вопросы социально-классового анализа литературных произведений тщательно обходились. Естественно, что это способствовало идеалистической и формалистической трактовке литературных явлений. Анализ художественной формы литературных произведений и изобразительных средств нередко превращался в самоцель, отрывался от анализа идейного содержания.

Эти принципиальные, методологические пороки в преподавании литературы усугублялись тем, что анализу идейного содержания литературных произведений уделялось недостаточно внимания. Изучение литературного произведения зачастую сводилось к характеристике отдельных образов-персонажей.

Серьезнейший порок изучения литературы в школе заключался и в том, что это изучение не было свободно от низкопоклонства и раболепия перед буржуазной культурой и литературой. Антинаучные и антипатриотические теории влияний западноевропейской литературы на русскую литературу находили отражение в отдельных школьных учебниках, а, соответственно этому, и в преподавании литературы.

«Литературная газета» совершенно правильно и своевременно поставила вопрос о неблагополучии с преподаванием советской литературы. Советской литературе уделялось в наших учебных планах и программах совершенно недостаточно места и времени. В школьной программе не было самостоятельного курса советской литературы. Этот курс подменялся неопределенным и расплывчатым курсом «Современной литературы». Тем самым советская литература рассматривалась не как качественно новый, высший этап в развитии мировой литературы, а как один из периодов истории русской литературы.

Совершенно правильно указывалось в «Литературной газете» также и на то, что учащиеся недостаточно изучали творчество отдельных советских писателей, почти не знакомились с литературой народов СССР, что в преподавании советской литературы нарушался исторический принцип.

Такое положение с преподаванием литературы об'ясняется прежде всего неудовлетворительностью большинства школьных программ и учебников по литературе.

Действовавшая до сего времени программа по литературе не ориентировала учителя на серьезный социально-классовый анализ литературных фактов и явлений и, в сущности, толкала его на путь формалистического анализа литературных произведений. Во многих случаях в программе тщательно обходился вопрос об идейном содержании, о классовом характере литературных произведений и творчества отдельных писателей.

Программа замалчивала вопрос о мировом значении русской советской литературы. Даже в последнем варианте программы проявились элементы низкопоклонства перед буржуазной культурой. Изучение курса истории литературы в X классе завершалось творчеством Гете и Шекспира, которые тем самым преподносились как некий апофеоз литературного развития. Составители программы об'ясняли это «недоступностью» творчества этих писателей для учащихся VIII—IX классов, забывая о том, что ученики этих классов, согласно этой же программе, должны были изучать такие сложнейшие произведения, как «Война и мир» или «Анна Каренина» Л. Толстого.

Еще более серьезными недостатками страдали многие наши учебники по литературе. «Литературная газета» в свое время справедливо критиковала учебник русской литературы для VIII класса Н. Поспелова и П. Шабливского. В самом деле, этот учебник отличался ярко выраженным низкопоклонством перед буржуазной литературой и тенденцией принизить роль и значение русской культуры и литературы. В учебнике сквозило совершенно не советское, барски пренебрежительное отношение к культуре русского народа киевского периода, а также XV—XVII вв. При характеристике литературы XVIII в. авторы противопоставляли «косным и темным народным массам» прослойку «европейски мыслящих» людей.

И учебник с такими вопиющими недостатками политического и научного характера продолжал бытовать в нашей школе до самого последнего времени. По нему учились миллионы советских школьников.

Серьезными недостатками страдал также учебник русской литературы XIX в. для IX класса А. Зерчанинова, Д. Райхина, В. Стражева. В этом учебнике давалась неправильная характеристика творчества некоторых писателей. Белинский трактовался исключительно, как критик; о Белинском, как великом революционном демократе и философе-материалисте, учебник умалчивал. Давалась неправильная характеристика западникам и славянофилам, замалчивались слабые стороны Л. Толстого и т. д.

Неудовлетворительная постановка преподавания литературы в школе об'ясняется также и серьезнейшими недостатками в подготовке преподавателей литературы в наших педагогических и учительских институтах. Студенты педагогических институтов — будущие учителя—не получают достаточной методологической подготовки, не изучают марксистско-ленинской эстетики, а изучение теории литературы подменяется, по существу, изучением поэтики.

Отсутствуют учебники по важнейшим литературоведческим дисциплинам. В течение ряда лет наши высшие учебные заведения не имеют учебников по важнейшим разделам истории русской литературы, в частности, по русской литературе XIX в. и по советской литературе. Во многих случаях студенты наших пединститутов вынуждены готовиться к экзаменам по литературе по школьным учебникам, к тому же еще неудовлетворительным. Нет надобности доказывать абсолютную недопустимость того, что будущий учитель средней или семилетней школы выходит из стен вуза со знаниями в об'еме школьного учебника.

О неудовлетворительности программ по литературоведческим дисциплинам для педагогических институтов и университетов было немало сигналов в нашей печати, в частности, и в «Литературной газете». Критика недостатков в преподавании литературы на страницах печати, обзоры писем читателей, помещаемых на страницах «Литературной газеты» по вопросам преподавания литературы, являются ярким выражением неудовлетворенности широкой советской общественности постановкой преподавания литературы и ее заботы об улучшении учебно-воспитательной работы в школе.

Министерство просвещения расценивает выступления «Литературной газеты» по этому вопросу, как желание оказать серьезную помощь в улучшении преподавания литературы. Со своей стороны, министерство принимает ряд мер к улучшению преподавания и изучения литературы в школах и в высших педагогических учебных заведениях.

К новому 1948/49 учебному году школьные программы по литературе значительно переработаны и улучшены. Прежде всего, серьезно перестроена программа для X класса. В X классе будет теперь изучаться курс советской литературы. На изучение этого курса отводится 132 часа, включая 24 часа на повторение учебного материала. Курс будет начинаться введением, дающим общую характеристику советской литературы, как нового, высшего этапа в развитии русской и мировой литературы. Далее будет следовать монографическое изучение творчества А. М. Горького. Монографическому изучению подлежит также творчество В. Маяковского, А. Толстого, Н. Островского, М. Шолохова, А. Фадеева. Введен ряд обзорных тем: литература периода гражданской войны и восстановления народного хозяйства; литература периода сталинских пятилеток; литература периода Великой Отечественной войны; литература в послевоенные годы. Увеличено количество часов на изучение литературы народов СССР.

Темы по западноевропейской литературе — «Шекспир» и «Гёте» сняты из курса этого класса и перенесены в программы предшествующих классов, где они, согласно логике истории и хронологии, и должны изучаться.

Переработаны также программы VIII—IX классов. В них усилено изучение вопросов развития историко-литературного процесса, введен ряд историко-литературных тем, характеризующих развитие литературы в определенные исторические периоды. Темы обзорного характера отделены от тем монографических.

Формулировка многих вопросов в программе дана в новой редакции. Повсюду подчеркнута важность раскрытия идейного содержания литературных произведений. Больше внимания уделено характеристике мирового значения русской литературы.

Вместе с тем, в программах для этих классов восстановлены и частично вновь введены снятые за последние годы темы по западноевропейской литературе. Учащиеся VIII—IX классов будут изучать в обзорном порядке творчество Шекспира, Мольера, Гёте, Байрона, Бальзака.

Значительная работа проведена министерством также по улучшению школьных учебников литературы. Правда, в этом году нам не удалось коренным образом переработать эти учебники и, тем более, создать новые. Учебники по литературе были уже подготовлены к переизданию, а многие из них даже сданы в производство. Пришлось задержать эти учебники для пересмотра и хотя бы частичного исправления. Прежде всего эти учебники были освобождены от наиболее вопиющих идеологических, методологических и фактических ошибок. Было сделано все возможное для того, чтобы в рамках существующих учебников усилить идейно-воспитательную сторону изучения литературы. Ко многим учебникам были заново написаны вступительные главы, излагающие вопросы о сущности художественной литературы и ее значении в общественно-политической жизни, а также некоторые вопросы методологии истории литературы.

Особенно серьезной переработке был подвергнут учебник русской литературы Н. Поспелова и П. Шабливского для VIII класса средней школы. Конечно, учебник этот и теперь, после его переработки, отнюдь не может считаться удовлетворительным и подлежит замене новым, но, во всяком случае, он освобожден от наиболее грубых принципиальных, политических ошибок. Некоторой переработке был подвергнут также учебник для X класса Л. Тимофеева «Современная литература». Серьезные изменения внесены в вводную часть этого учебника. Изложение истории русской литературы XX в. дооктябрьского периода не является самостоятельным разделом. Значительно более полно и четко изложена характеристика социалистического реализма, более полно дана общая характеристика советской литературы, как качественно нового, высшего этапа в развитии русской и мировой литературы. Несколько улучшены также хрестоматии по литературному чтению «Родная литература» для V—VII классов и хрестоматии «Родная речь» для начальной школы.

Несомненно, что та работа, которая проведена по исправлению и улучшению учебников по литературе, совершенно недостаточна. Учебники эти в своем большинстве еще не вполне удовлетворительны. Но в короткий промежуток времени, остававшийся до начала учебного года, большего сделать было нельзя.

То же самое следует сказать и о программах. Они, безусловно, улучшены, но отнюдь еще не удовлетворяют тем серьезным требованиям, которые пред'являются к изучению литературы в общеобразовательной школе. Еще по существу не разрешен по-настоящему вопрос об изучении литературы народов СССР, не говоря уже о том, что по этому вопросу нет ни одного учебника. Работа, проведенная Министерством просвещения по исправлению программ и учебников, — это только первый предварительный этап большой работы, которую предстоит выполнить.

Министерство просвещения намечает провести в начале осени этого года ряд совещаний с участием писателей, критиков, литературоведов, учителей по вопросам преподавания литературы в школе и в высших педагогических учебных заведениях. На этих совещаниях нужно подвергнуть широкой и глубокой дискуссии вопрос о программах по литературе, их структуре и содержании, а также широко обсудить вопросы о характере учебников по литературе — их содержании, об'еме, структуре. Особенно важно подвергнуть серьезному обсуждению вопрос о преподавании советской литературы, о месте этого предмета в учебном плане, о построении и об'еме этого курса.

Предстоит также серьезно продумать содержание курса литературного чтения в V—VII классах и соответственно переработать программы и хрестоматии для этих классов, а также улучшить книги для чтения начальной школы.

Министерством просвещения разработан большой перспективный план создания новых учебников и переработки старых на 1949 и 1950 гг. Вопрос этот был подвергнут специальному обсуждению на заседании коллегии министерства. Предполагается создать новые учебники литературы для всех классов средней школы. К работе этой намечено привлечь кафедры высших учебных заведений, в частности университетов, наиболее квалифицированных научных работников и учителей-практиков. Наряду с этим будет проведен закрытый конкурс на создание учебников по литературе. Предполагается также подготовить учебное пособие по теории литературы для учащихся старших классов, а также ряд хрестоматий.

В ближайшие годы будет значительно увеличен выпуск серий «Школьной библиотеки», включающей отдельные издания лучших произведений русской классической и советской литературы, а также наиболее выдающихся произведений литературы народов СССР.

По поручению Министерства просвещения Академия педагогических наук должна подготовить в течение этого года «Книгу для учителей по русской литературе» — пособие для учителей, в котором должны быть изложены основные вопросы методологии и истории русской литературы. Такое пособие, несомненно, окажет серьезную помощь учителю при подготовке к урокам.

Академия педагогических наук должна подготовить также методическое пособие для учителей об идейно-политическом воспитании учащихся в процессе преподавания литературы.

Для того, чтобы обеспечить действительное и коренное улучшение преподавания литературы, нужно еще очень много поработать. Министерство просвещения рассчитывает, что в этой большой и ответственной работе оно встретит всемерную поддержку со стороны наших писателей, критиков и литературоведов. Серьезная и деловая критика преподавания литературы на страницах органа Союза советских писателей—«Литературной газеты» уже является одним из видов этой помощи. Однако одного этого недостаточно. Мы надеемся, что советские писатели и критики примут самое активное участие и в создании учебников, и в усовершенствовании программ, и в написании новых, высокохудожественных произведений для детей и юношества.

Общими усилиями советского учительства, научных работников, литературоведов, писателей, критиков, органов народного образования мы добьемся того, что преподавание литературы станет действительно могучим средством коммунистического воспитания миллионов советских школьников.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ КНИГОТОРГОВЛЮ

Редеют ряды книжников...

Огиз не заботится о подготовке новых работников книжной торговли

Книжные работники ежедневно общаются с людьми всевозможных профессий. Сотни тысяч покупателей знают и ценят их работу.

Кто из московских учителей не знает Клавдию Петровну Пушечникову, консультанта по педагогической литературе магазина № 46 Могиза? Большинство молодых работников московских книжных магазинов — ее ученики. Директор магазина № 1 Могиза В. В. Стеблов—опытный, квалифицированный книжник. Его четкая, образцовая работа — пример для других директоров. Сотни инженеров и научно-технических работников с любовью отзываются о работе магазинов технической книги Могиза и о книжниках тт. Мячине, Никитине, Ильичеве, Ивановой. В коллекторе массовых библиотек Могиза более двадцати лет отлично работает Вера Николаевна Блинова. Старший товаровед магазина № 14 Могиза Александр Сергеевич Бурдейнюк известен многим москвичам. Скоро он будет отмечать пятидесятилетний юбилей работы в книжной торговле.

Все это хорошо. Но книжная торговля испытывает еще острый недостаток в квалифицированных работниках. В ближайшие два года нам потребуется 10—15 тысяч специалистов книжного дела.

Какие же условия созданы для подготовки новых кадров работников книжной торговли?

До войны в Москве существовал книжный техникум, но Огиз до сего времени не в силах восстановить его. Существующие в Москве и Ленинграде торговые техникумы с их книжными отделениями не могут дать высококвалифицированных работников по той причине, по какой нельзя, скажем, равнять книжное товароведение по товароведению бакалеи и гастрономии. Школа книготоргового ученичества, в которой обучается всего 100 человек, не может, естественно, удовлетворить книжные магазины даже одной Москвы.

В этом, прежде всего, виноват Огиз. Два года, например, Могиз настоятельно хлопочет об организации вечернего книготоргового отделения при одном из техникумов Огиза, но этот вопрос так и не решен. Именно по этой причине ежегодно десятки наших работников уходят в другие учебные заведения. Люди хотят учиться, а учиться им негде.

Только возмущение может вызвать утверждение некоторых руководящих работников Когиза и Огиза, что сейчас, дескать, несвоевременно ставить вопрос об открытии высшего учебного заведения по подготовке книготорговых работников. Более того, даже предложение об открытии факультета книжной торговли в Полиграфическом институте не встретило поддержки со стороны руководителей Огиза.

Учебные планы и программы, утвержденные Когизом для школы книготоргового ученичества, аполитичны, находятся на низком теоретическом уровне. Книжная торговля в них рассматривается, как несложная техническая работа. А учебника, который мог бы служить пособием для подготовки молодых кадров книжников, у нас нет.

Книжник — профессия разносторонняя. Трудно быть универсалом-книжником, энциклопедистом. Поэтому подготовка кадров должна учитывать потребность в специалистах различных профессий. В настоящее время остро ощущается недостаток директоров книжных магазинов. Потребность в них только в этом году составит более 1200 человек. Из-за отсутствия книжного техникума их придется готовить на 2—3-месячных курсах.

Большое значение имеет подготовка специалистов по технической книге. Современный магазин технической книги располагает более 2.500 названиями книг по различным отраслям науки и техники. В течение года через магазины проходит более 10 000 названий новых книг. Во всем этом книжном потоке нужно хорошо разбираться. Смешно выглядит утверждение ряда руководителей торговых организаций о том, что продавать книги может всякий. Поэтому и не удивительно, что при подборе руководящих работников, в частности, заведующих магазинами, районные организации рекомендуют людей, окончивших 4—5 классов начальной школы.

Многие вопросы воспитания и подготовки кадров книжных работников были бы разрешены, если бы руководство Огиза прислушивалось к голосу низовых работников. Более 8 лет прошло с тех пор, как созывался актив книготорговых работников. До войны Когиз и Могиз имели свои печатные органы. Сейчас их нет. Отсутствует обмен опытом работы. Работники книготорговой сети не имеют отдельного списка во Всесоюзном социалистическом соревновании. Лишь где-то в общем списке торговых предприятий Министерства торговли СССР можно встретить книжный магазин, занявший первое или второе место.

Кадры старых работников — специалистов книжного дела не закрепляются. Много ценных специалистов за последние годы ушло из книготорговой сети, так как их работа должным образом не поощрялась. Часто бывает, что заработная плата нового работника превышает оплату труда старого кадрового книжника, имеющего высокую квалификацию.

Плохо заботятся о бытовых нуждах книготорговых работников Когиз и ЦК Союза работников госторговли. До войны книжники имели свои дома отдыха, а сейчас ни Когиз, ни ЦК Союза работников госторговли не думают даже их восстанавливать.

Ответственна и благородна работа советского книжника. Для того чтобы успешно решить большие задачи, стоящие перед книжной торговлей, надо решительно покончить с равнодушием в деле подготовки новых кадров.

С. ПОЛИВАНОВСКИЙ,
управляющий Могизом

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О МЕРТВОМ КАПИТАЛЕ ИНСТИТУТОВ

Наш Челекенский химический завод расположен далеко от центров страны, но и в нем кипит жизнь. Коллектив завода перевыполняет государственные планы, улучшает качество продукции. Инженеры и техники работают над решением проблем, важных для улучшения технологии производства и снижения себестоимости.

Около года длилась работа нашего инженерно-технического коллектива над одной из таких проблем, и вдруг мы совершенно случайно узнали, что вопросы, над которыми мы бились, уже давно разрешены тремя научно-исследовательскими институтами: Ленинградским химико-технологическим институтом имени Ленсовета, Ленинградским институтом прикладной химии и Московским институтом удобрений и инсектофунгисидов.

Можно привести немало аналогичных случаев, когда научно-исследовательские институты, разрешив важные, актуальные вопросы, не ставят об этом в известность заинтересованные заводы. Решения этих вопросов остаются, таким образом, достоянием только работавших над ними институтов—их своеобразным мертвым капиталом.

Такое положение далее нетерпимо. Необходимо обязать министерства систематически информировать заводы относительно законченных научно-исследовательских работ, проведенных в институтах и на заводах. Кроме того, необходимо, чтобы научно-исследовательские институты рассылали заводам краткие аннотации этих работ.

Инженер **Ф. ГЕРМАН**

НОВЫЕ ЛЮДИ КОЛХОЗНОГО СЕЛА

С. КАПУСТИН,
председатель колхоза «Марс» деревни Елдино, Завидовского района, Калининской области

В романе Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» рассказывается о колхозах Кубани после Отечественной войны.

Я сравнивал прочитанное с жизнью, кубанский колхоз с нашим колхозом, район с районом.

Действие романа начинается в станице Усть-Невинской, разделенной на три самостоятельных колхоза: имени Буденного, имени Ворошилова, имени Кочубея. Условия жизни одинаковы, но колхозы разные, потому что разные председатели.

Все три председателя, изображенные в романе «Кавалер Золотой Звезды», выхвачены писателем из жизни. Есть такие и в нашем районе.

Колхоз имени Буденного, которым руководит Стефан Петрович Рагулин, образцовый в станице. Сергей Тутаринов, осматривая по возвращении домой станицу, видит необычную картину: на улице нет бурьяна. На бригадном дворе опрятность и хозяйский порядок, двор обнесен дощатым забором, ворота закрыты на засов, посевной инвентарь и брички стоят под навесом, навоз сложен квадратным стожком.

Ничего подобного Тутаринов не видел ни в колхозе имени Кочубея, ни, тем более, у ворошиловцев.

Председатель колхоза имени Кочубея Дарья Байкова осуждает домовитость буденновцев. Самого Стефана Рагулина Дарья Никитична обзывает «натурным стариком», жадюгой, который случайно оказался во главе артели, обижает людей, допускает «перегибы».

Председатель колхоза имени Ворошилова Алексей Артамашов тоже язвительно именует Рагулина «скрягой». Сам Артамашов сдает часть колхозной земли в аренду служащим. Ворошиловцы имеют, в отличие от буденновцев, увеличенные приусадебные участки, свои посевы.

Поругивая Рагулина, Дарья Байкова и Алексей Артамашов часто вспоминают слова председателя райисполкома Федора Лукича Хохлакова. Хохлаков приписывает Рагулину ни много ни мало — «преждевременное установление коммунизма».

А что произошло? Предшественник Рагулина в начале войны отрезал из общественного клина добрый кусок земли, раздал ее колхозникам. «Колхозники обзавелись землишкой, скотом, птицей, и все их нутро уже повернуто к своему клочку земли, а на колхоз они смотрят, как на второстепенное дело, — рассказывает Рагулин. — Такому колхознику и горя мало, будет приплод на ферме или не будет,—у него есть свой скот; уродит ли общественный посев или не уродит, — у него свой хлеб растет!.. Что ему печалиться! Вот мы ту землю и вернули колхозу. Было собрание. Я тогда так и сказал: хотите жить в достатке—и сделайте весь колхоз богатым, а на индивидуальных посевах мы далеко не уедем». Где тут «преждевременный» коммунизм?

Сергею Тутаринову на первых порах еще не ясно, кто «перегибает», кто борется за партийную линию в колхозном строительстве. Мне же, читателю романа, сразу ясно: прав Стефан Рагулин.

Правота Рагулина подтверждается жизнью.

Рагулин закончил третью прополку, посевы у него чистые, он ждет богатого урожая. У Артамашова бурьян «колосится» в поле, некогда ворошиловцам прополоть общественную кукурузу, подсолнух— заняты своими огородами.

Алексей Артамашов беззаботно транжирит колхозное добро. Стефан Рагулин скуповат, рачителен, строг. Колхозная кладовая у него на крепком замке.

Рагулин и Артамашов—оба члены партии, но они по-разному понимают в чем корень колхозного богатства. Артамашов нарушает устав сельхозартели, идет на поводу у отсталых колхозников. Рагулин держит равнение на передовых людей артели, свято блюдет устав, как партийно-советский закон.

Интересен председатель станичного совета Савва Остроухов—беспокойный человек с мечтой в голове. У него большие планы переустройства станицы Усть-Невинской и укрепления колхоза. Он иногда увлекается свыше меры, но думает правильно: надо итти вперед; что вчера было хорошим, то завтра может стать и плохим...

Планы его не встречают поддержки ни со стороны Байковой и Артамашова, ни в районе, да и сам Остроухов робок, не напорист, не умеет постоять за свою правду. Такие люди полезны, как запевалы новой песни, но в жизни им нужен руководитель, вожак. Таким вожаком и стал для Остроухова Сергей Тутаринов.

Неказист председатель райисполкома Хохлаков. В прошлом участник гражданской войны, человек заслуженный, он политически отстал, душевно засох, потерял зоркость глаз, боится риска, лишних хлопот. Узкий деляга, он сводит руководство колхозами к выполнению хлебозаготовок. Но у таких-то именно «деляг» обычно срываются поставки государству: узость мстит за себя жестоко.

Федор Хохлаков защищает Дарью Байкову, Артамашова, порицает Рагулина, неустанно одергивает Савву Остроухова, якобы «взлетающего к небу». В беседе с Тутариновым он сердито говорит о Савве: «Тут потребуются десятилетия, а ему завтра же подавай и театр, и парк, и электрическую станцию, и разную рыбу...» В этих словах — весь Хохлаков. Такие люди, к сожалению, еще не вывелись в районах. Вместо того, чтобы поднимать колхозников на большие дела, они мямлят о трудностях, топчутся на месте.

Бабаевский снимает Хохлакова и выдвигает на пост председателя райисполкома Сергея Тутаринова. Это смелый шаг. На фронте младшим лейтенантам, хотя бы и Героям Советского Союза, не поручали командовать дивизией. Сельскохозяйственный район — та же дивизия. Жизненный опыт Сергея невелик, опыта партийно-советской работы вовсе нет. Вначале я сильно опасался, — не наделал бы парень ошибок.

Он справился. В армии его учили хорошо воевать и воспитывали в нем общественного человека. Он горячо, по-большевистски, берется за работу. Народ помогает ему. Началась борьба за пятилетний колхозный план, за рытье Усть-Невинского канала и строительство гидростанции, за высокие сталинские урожаи. То, что представлялось Федору Хохлакову бреднями и наивной мечтой, становится явью колхозной жизни. В этом я и вижу главное зерно романа, главную заслугу писателя.

Руководителям колхозного дела нередко приходится ссориться с людьми отсталыми, заблуждающимися, косными, как ссорился Стефан Рагулин. Это хорошо подмечено и показано Семеном Бабаевским.

Во второй части дана размолвка Сергея Тутаринова с отцом. «...Лес в станице позабрал. Станцию хотели себе построить,— так ты ее всем станицам передал».

Такие же обвинения пред'являет Сергею друг детства Савва Остроухов.

Сергей дает бой отцу и Савве Остроухову и выигрывает этот бой: Усть-Невинская гидростанция становится районной электростанцией. И Сергей приобщает к своей станции соседние колхозы вовсе не потому, что гонится за славой, а по государственному расчету.

Здесь правильно показана разница кругозора. Тимофей Тутаринов и Савва Остроухов мыслят с колокольни своей станицы. Сергей вырос, он шире, дальновиднее, в нем нет старой крестьянской думы о своем «дворе», которой еще не переболели старик Тимофей и молодой казак Савва Остроухов. Это не кубанский «случай», а явление общее, повсеместное.

Из героев романа мне очень понятен и близок Стефан Рагулин. Сколько раз и меня, как его, попрекали скупостью, скаредностью! Наш колхоз был осенью 1941 года начисто разгромлен фашистами. Приходилось все начинать сызнова. И я был скуп, трясся над каждым пудом зерна, над каждым рублем. Нам было нелегко. Но зато теперь легче. Мы построили в короткий срок конюшню, свинарник, скотный двор, крытую молотилку, обзавелись лошадьми, ездовыми быками, племенным скотом, разным инвентарем. Будь я щедр, как Артамашов, мы все еще сидели бы на послевоенных развалинах. Судьба Рагулина еще больше укрепила во мне сознание моей правоты.

Вдумываясь в дела Сергея Тутаринова, я кое-что намотал себе на стариковский ус: каждое начинание доводить до конца, как это делают лучшие герои Бабаевского.

Есть, на мой взгляд, в романе и недоделки.

Известно, что в передовых сельскохозяйственных районах развито социалистическое соревнование колхозов, бригад, звеньев, отдельных колхозников. В романе этот вопрос обойден. В качестве «двигателя» выступает не соревнование, а группа выдающихся личностей: Тутаринов, Гончаренко, Рагулин, Никита Мальцев, Глаша Несмашная и др. Это не совсем верно. Если народ в артели пассивен, одни Стефаны Рагулины колхоза не поднимут. Сила Рагулина и Тутаринова в том, что они делают то самое, чего добивается народ. Речь надо вести о взаимоотношениях колхозников с вожаками, а не разделять их стеною.

«Кавалер Золотой Звезды» — хорошая книга, нужная нам, колхозникам. Бабаевский воспевает колхозный труд, изображает сегодняшний и завтрашний день колхозной жизни. Книга указывает пути для трудовых подвигов. В ней много правды, глубоко волнующей, которая оставляет след в душе, берет за сердце.

Когда прочтешь такую книгу, хочется работать еще горячее, сделать больше, чем сделал до сих пор, потому что трудимся мы, свободные советские люди, для себя, для нашей великой Родины, которую отстояли в недавней битве с оголтелым фашизмом, и будем укреплять, отстаивать впредь от всех врагов.

Еф. ХОЛОДОВ

Милягин и другие

К итогам театрального сезона

В преддверии нового театрального сезона полезно поразмыслить о некоторых поучительных уроках сезона минувшего. Какие пьесы пользовались успехом у зрителя, какими качествами — идейными и художественными—отличались эти пьесы? Чтобы верно работать в будущем, нужно творчески учесть уроки минувшего и настоящего.

Зритель тоже подводит итоги сезона. Он спрашивает у себя: что дали мне спектакли этого года? На какие животрепещущие вопросы современности дал ответ театр? Чему научил? В каких спектаклях я узнал жизнь, какие спектакли обогатили мое знание жизни?

Среди запоминающихся спектаклей — не весьма многочисленных, к сожалению, — зритель, несомненно, назовет «Великую силу» и «Закон чести». Успех, выпавший на долю этих спектаклей, — это успех высокоидейного, реалистического, воинствующего искусства. Таков первый урок, который должен извлечь театр. Зритель увидел здесь правдивое и взволнованное отражение той серьезнейшей идейной борьбы, на которую подняла нас партия, — борьбы за советский патриотизм, против пережитков низкопоклонства, против влияний буржуазного космополитизма; борьбы, жизненно важной для судеб нашего социалистического общества.

Когда имя театрального персонажа становится нарицательным, — это вернейший признак настоящего, большого успеха. И в том, что имя Милягина стало нарицательным для обозначения людей, холопствующих перед буржуазным Западом, мы видим один из наиболее значительных итогов минувшего театрального сезона.

1.

Трофим Игнатьевич еще не появлялся перед вами, но вы уже кое-что знаете о нем. Вы видели уже его дочь Липочку, девицу весьма претенциозную, которая называет себя Олимпией, которая твердо усвоила, что «каждый устраивается, как может», и несколько странным манером прощается со своей подругой: «Гуд бай, крошка!». Вы уже слышали что-то такое насчет строительства оранжереи в усадьбе Трофима Игнатьевича: «Сам приезжал, командует». Видели вы и жену его, Евдокию Федоровну, женщину простую и душевную, но уж очень непотребно разодетую. Ей и самой как-то неловко: «Ну, как, хороша пава?»— смущенно спрашивает она. — А все Трофим. Покажи, как наши женщины одеваться умеют. Вот, я, милая, и показываю».

Но вот появляется и сам — Трофим Игнатьевич Милягин.

Уточним: вы сидите в креслах Малого театра на представлении пьесы Бориса Ромашова «Великая сила». Милягина играет Федор Григорьев, артист выдающегося таланта, мало пока знакомый московскому зрителю.

Профессор Милягин очень жизнерадостен, очень деятелен, очень самоуверен. Сразу видно, что это человек преуспевающий, удачливый и непоколебимо убежденный в превосходстве и непреложности выработанных им жизненных правил. То и дело посматривает он на часы: видимо, деловит. Григорьев играет его этаким простягой. Если бы не солидный возраст и не заграничный с иголочки костюм, о нем даже можно было бы сказать: рубаха-парень. Хотя профессор Милягин — директор научно-исследовательского института, но, смотрите, он ничуть не загордился, он — свой, он — демократ. И слова он говорит наши, правильные, знакомые—о внимании к человеку, о том, что наука должна быть активной, о том, что нам нужны молодые силы...

Таково первое впечатление.

Сначала вы даже готовы снисходительно отнестись к некоторым, так сказать, странностям профессора. Любимое его словечко «о'кей», да мало ли какое словечко может привязаться. Ну, понравился ему, допустим, заграничный портфель. Что ж тут такого? Ну, купил он этот портфель. Пускай носит себе на здоровье.

В иностранном журнале напечатана статейка о возглавляемом профессором Милягиным институте. Несколько строк о нем самом. «Все-таки приятно, когда тебя знают за границей, а?».

Это вопросительное «а?» обращено к вам. Вы ничего плохого не видите в том, что профессора Милягина знают за границей.

Но вас уже начинает раздражать это «о'кей», эти нескончаемые земные поклоны, которые столь усердно бьет Трофим Игнатьевич в сторону Запада. У них — сервис. У них — комфорт. У них — умеют жить. Послушайте, с каким почтительным придыханием, с каким умилением произносит григорьевский Милягин каждый раз это самое «у них».

Он, Милягин, человек широких, видите ли, взглядов. Он, учтите, чужд какой-либо «ограниченности». Не говорите при нем о нашей науке. Он тотчас же воскликнет:

— Наша наука!.. Нет никакой нашей науки, вашей науки... Наука принадлежит всему миру.

Согласно авторской ремарке, Милягин произносит эту реплику «пожимая плечами». Григорьевский Милягин говорит эти слова крайне раздраженно и, пожалуй, даже патетично.

Всему миру... Масштаб-то какой! Широта-то какая!

Что же отвечает Милягину профессор Лавров?

— Нет, я с этим никогда не соглашусь. Мне дорого то, что сделано в моей стране, нашими руками...

Признаемся, что Лавров мог бы ответить посильнее. Он мог бы, например, напомнить Милягину слова, сказанные сто лет назад умнейшим русским человеком о таких вот милягиных: «Космополит есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека». Он мог бы добавить, что в наше время и в нашей стране космополит есть явление особенно уродливое; что только тогда наука и будет принадлежать всему миру, когда она во всем мире будет принадлежать народу; что за это предстоит бороться и что в этой борьбе первостепенную роль как раз и призвана сыграть именно наша наука.

Но как, однако, могло случиться, что Трофим Игнатьевич Милягин — профессор, директор института — не понимает таких элементарных вещей? Заслуга драматурга и артиста в том и заключается, что они сумели дать средствами искусства убедительный ответ на этот вопрос.

2.

К милягинскому образу жизни и к милягинскому характеру мы еще вернемся, а пока предоставим опять слово профессору Лаврову:

— Мне бывает стыдно, когда я слышу этакое умилительное восхищение перед всем заграничным. Мне просто стыдно.

А Милягин:

— Никто, Павел, не умиляется, а что хорошо, то хорошо.

Милягин, видите ли, хочет быть лишь об'ективным.

Пресловутое «беспристрастие» милягиных мирно дремлет, когда при них топчут приоритет русской науки, когда клевещут на советскую культуру, когда попирают духовные ценности, созданные нашим народом. Однако, стоит им только услышать критическое замечание в западный адрес, как они уже тут как тут.

От них не дождешься боевого выступления против растленной буржуазной культуры, но зато они немедленно, как по команде, поднимут голос против... против опасности «перегибов» в нашей борьбе с низкопоклонством.

А опасность самого низкопоклонства? Ее существование остается неясным. Не является ли такая позиция способом утопить в разговорах о «перегибах» борьбу с явлениями низкопоклонства и космополитизма!

«Что хорошо, то хорошо...» Но ведь в том-то и дело, что милягины в своем самозабвенном умилении перед иностранщиной уже не в состоянии отличить хорошее от плохого. Очень часто у них хорошим выглядит весьма посредственное, а то и вовсе дрянное. Рекламировал ведь журнал «Торфяное хозяйство» торфорезную машину иностранной марки «Майнке», и тоже, видимо, думали: что хорошо, то хорошо. А на проверку оказалось, что «Майнке»— давно устаревший иностранный хлам, что торфорезные машины нашей отечественной конструкции неизмеримо лучше.

Жаль, что у Трофима Игнатьевича, столь восхищающегося благами буржуазной цивилизации, столь тоскующего по европейскому комфорту и американскому сервису, жаль, что никто не спросит у него в упор:

— А вы, Милягин, собственно говоря, за коммунизм или за капитализм?

Трофим Игнатьевич, повидимому, возмутится такой оскорбительной для него постановкой вопроса. И, быть может, даже вполне искренно возмутится.

— Безобразие!.. Кто дал право!..

Погодите, Милягин.

Дайте нам разобраться.

Милягин — за коммунизм. Но, признаться, в коммунизме его как-то больше устраивает «каждому по потребностям», чем... «от каждого по способностям».

Милягин — за коммунизм. Он даже хотел бы приблизить к себе коммунистическое завтра: если нельзя еще, чтобы каждому было по потребностям, то нельзя ли, пока суд да дело, чтобы ему, Милягину, отпускалось по потребностям?

О, Милягин верит в победу коммунизма! Настолько сильно верит, что даже полагает вовсе не обязательным для себя утомляться на строительстве нового общества: ведь все равно построят.

Он симулирует самую кипучую деятельность. Вот откуда его демонстративная деловитость, это непрестанное поглядывание на часы. Вот откуда его стремление всегда быть на глазах у начальства. Вот откуда его забота о внешней, показной стороне деятельности института.

Он не хочет включить в план института важнейшую работу профессора Лаврова и в порыве откровенности признается:

— Это не козырь, а нам нужны козыри... Славы иметь не будем, а риск велик.

Рисковать Милягин не любит. И здесь он верен себе: «В Америке еще не умеют это делать, а у нас сидит такой тютя, пыхтит, пыхтит и думает, что он открывает новые горизонты».

Официально же это выглядит так:

— Нам нужна активная наука, а не созерцательные фантазии... Мы не имеем права, дорогой, витать в облаках...

Однажды, пьяненький, он проболтался Лаврову о самом сокровенном:

— Нам надо учиться жить. Вот моя душа, знаешь, чего хочет? Покоя, солнечной тишины, уюта... Антр ну, по-приятельски. Другой будет врать: я такой-сякой... А я открыто. Надо было воевать, мы не прятались. Вот — заработали. А теперь мне хочется пожить.

Но стоило только Лаврову возмутиться: «Как ты можешь так рассуждать?» — Милягин сразу же протрезвел и забил отбой: «А кто тебе сказал, что я так рассуждаю? Просто нашло. Микроклимат». Дескать, пошутил.

Эта очень существенная черта Милягина: Трофим Игнатьевич понимает, что его образ мыслей и его образ жизни идет вразрез с нормами социалистического общежития.

И сколько бы ни корчил из себя Милягин человека преуспевающего и непоколебимо самоуверенного, мы видим, что он пытается обмануть и нас и самого себя.

Благополучие Милягина построено на песке.

Для преуспевания Трофима Игнатьевича необходимо стечение счастливых обстоятельств. Необходимо, чтобы под его началом работал племянник начальника главка Семена Семеновича, чтобы Семену Семеновичу покровительствовал Николай Спиридонович и т. д. Стоит только порваться одному звену этой хрупкой цепочки, — и Трофим Игнатьевич летит вверх тормашками.

Милягин успокаивает не столько свою супругу, сколько самого себя, когда хвастает:

— Без Милягина не обойдутся... Я тоже кое-что смыслю в науке. У Милягина есть свои заслуги. Меня ценят...

Он словно отгоняет от себя призрак неминуемого краха.

Есть еще одно непременное условие милягинского преуспевания: со всеми жить в мире. Он просто не может себе позволить роскошь иметь противников, — и в этом тоже сказывается его неуверенность в прочности своего положения. Когда жена спрашивает его: «Что у вас произошло с Павлом? Поссорились?» он отвечает: «Ну что ты, Дунечка, ты ведь меня знаешь, я терпеть не могу ни с кем ссориться».

Григорьев очень тонко и очень точно передает вот эту внутреннюю неуверенность Трофима Игнатьевича, шумно маскируемую демонстративной бодростью.

Милягин ежечасно ждет удара.

И вот удар нанесен: Милягин изобличен и снят с поста директора института.

Заключительную фразу Милягина Григорьев произносит превосходно:

— Посмотрим, как без Милягина обойдутся!

Милягин еще хорохорится, но в душе он уже чувствует, что без него прекрасно обойдутся. Лучше будет без Милягина, легче будет без него дышаться.

«Великая сила» — по-настоящему современный и своевременный спектакль. Искусство театра помогает нам распознать проявление буржуазного космополитизма и низкопоклонства перед иностранщиной, вооружает нас в борьбе со всеми и всяческими милягиными.

Георгий ЛОМИДЗЕ

Приверженность к старому

В прошлом году в государственном издательстве Грузии вышел первый том собрания сочинений К. Гамсахурдиа. В этот том включен роман «Похищение луны», первый вариант которого был опубликован около пятнадцати лет назад.

Считается, что новое издание книги автором исправлено и переработано. Однако читаешь страницу за страницей с чувством все возрастающей досады и огорчения. Что же исправлено, что переоценено? Отдельные фразы, выражения, эпитеты?

Да и мог ли автор на самом деле исправить недочеты этого романа? Нет, ибо книга порочна не в частностях, а в основном—в своей идейно-художественной сущности. «Исправление» здесь должно было означать создание нового романа, с иным взглядом на жизнь, с иным пониманием советской действительности. Эту сложную, большую работу К. Гамсахурдиа не сумел сделать. Он устранил шероховатости стиля, несколько очистил язык от словесного шлака, идейная же направленность романа осталась прежней.

События в книге относятся к тем годам, когда в Грузии, как и во всей советской стране, началась коллективизация. Действие романа протекает попеременно в деревне и в городе, но не коллективизация и не советские люди интересовали автора. Среди действующих лиц романа, правда, есть и комсомольцы, и коммунисты, но они теряются среди... бывших князей и их прислужников.

Борьба нового со старым, которую олицетворяют взаимоотношения комсомольца Арзакана Звамбая с отпрыском княжеского рода Тарашем Эмхвари, не выражает столкновения двух идеологий, двух антагонистических социальных миров. Она переключена автором в сферу любовную. Между этими персонажами происходит дуэль за обладание женщиной, — и в этом К. Гамсахурдиа видит смысл победы нового над старым.

Хотя автор и уверяет в том, что он отдает предпочтение социалистическому человеку, художественная логика романа, его сюжет неопровержимо и точно доказывают противоположное. К. Гамсахурдиа больше интересуют былая феодально-аристократическая Грузия. Новое занимает его лишь постольку, поскольку в этом «новом» сохраняется старое, поскольку оно сходно со старым, древнейшим и продолжает его, пусть в иных условиях, но на тех же моральных основаниях.

Поэтому как в первом варианте «Похищения луны», так и во втором нет образов новых советских людей, первых организаторов колхозной жизни в Грузии. Вместо них перед читателем, как главный герой романа, предстает Тараш Эмхвари— великосветский пошляк, погруженный в изучение истории собственного рода, желчный индивидуалист, мистик, поклонник реакционной философии Ницше с ее высокомерным презрением к человеку, с ее культом хищных, звериных инстинктов в людях.

Переиздание в таком виде романа «Похищение луны» заставляет думать, что К. Гамсахурдиа, как и пятнадцать лет назад, далек от правильного понимания нашей жизни, что груз прошлого тяготеет над ним с прежней силой.

В этом году писатель закончил и опубликовал в журнале «Мнатоби» вторую часть трилогии о царе Давиде Строителе. В ней он продолжает развивать характер Давида, намеченный в первой части. К. Гамсахурдиа стремится показать созревание государственного ума царя, роль Давида в деле об'единения грузинских земель, его борьбу против чужеземных завоевателей.

Это—последнее по времени произведение К. Гамсахурдиа. Естественно, возникает вопрос: может быть, в этом произведении писатель утвердился на новом пути, нашел выход из идейного тупика?

К. Гамсахурдиа обладает большими историческими знаниями. Он свободно оперирует ими, щедро уснащая художественную ткань романа сведениями из былой жизни Грузии (XI—XII века). Он привлекает интересные данные, малоизвестные в грузинской исторической литературе, что придает роману определенное познавательное значение.

Но одного этого мало. Писатель, коль скоро он избрал предметом изображения прошлое, должен подходить к этому прошлому не пассивно-созерцательно, а с ясно осознанных идейных позиций нашей современности. Мы ждем от исторического романиста не пышного описания дворцовых церемоний, не отражения причудливого «колорита» княжеской жизни, а цельной и живой, страстной, глубоко понятой социальной истории человечества.

Обрела ли история такое содержание и такую форму в «Давиде Строителе», является ли она подлинной душой романа? Увы, этого сказать нельзя! Обилие различного рода деталей, множество интересных, хотя зачастую и мелочных сведений о времени Давида не могут заменить главного—показа эпохи в исторической перспективе, раскрытия значения реформ Давида для жизни народных масс, наконец, —роли самого народа в титанической борьбе, которую вел Давид.

В романе правильно намечены некоторые черты царя, его мудрая уравновешенность и стоицизм, широта морально-этических взглядов. Говорит автор и о полководческом таланте Давида, о том, как он учил и пестовал свои войска, как готовил их к битвам. Но широкого социального обобщения всей деятельности Давида в книге нет. В конце концов, из романа не ясно, во имя чего боролся Давид Строитель, к чему стремился, чего хотел достигнуть, какие идеалы двигали им. Порою кажется, будто единственным содержанием его жизни только и была мучительная любовь к Дедисимеди. То и дело в романе встречаются печальные сентенции, вроде: «Было все-таки странно: сколько гор, сколько крепостей он оставил позади, чтобы увидеть ее, достиг владений Липарита. Теперь он сидит за трапезой у ее отца, ему предлагают отцовское вино, а Давиду так и не было суждено увидеть Дедисимеди».

Вторая часть «Давида Строителя» имеет множество прихотливых сюжетных разветвлений. Она расщеплена, многопланова, главы ее чередуются вне всякой закономерности. Роман представляет собой как бы произвольное сцепление случайных фрагментов, эпизодов, за цепью которых трудно проследить ход событий, их развитие. Несмотря на смену событий, сюжет книги остается статичным, скованным и развивается еле заметными толчками. Автор к тому же особо пристрастен к бытовым деталям, этнографическим подробностям, к исторической бутафории. Роман перегружен описаниями вещественного мира. Увлекаясь второстепенным и побочным, писатель забывает о центральных проблемах повествования. Ломаная композиция, разбросанность сюжета предопределяют и участь образов книги.

Исторический роман должен раскрывать судьбы людей, давать картины развития общества, классовой борьбы, происходящей в нем. К. Гамсахурдиа таких картин не дает. Нет в романе тех идейных и эмоциональных нитей, которые связывали бы царя Давида с народом, с его жизнью и участью.

Правда, автор ввел в повествование и представителя «низов» — конюха Корай-Ситква, ловкого, бесстрашного человека. Назначение этого образа, по всей вероятности, в том, чтобы перекинуть мост от царя к «черни» и тем самым приблизить Давида к «нищим и обездоленным».

Но Корай-Ситква не вызывает у читателя даже элементарной симпатии. Автор наделил его уродливой наружностью Квазимодо—без душевной чистоты и благородства последнего. К отталкивающему обличью Корай-Ситква добавлена столь же отталкивающая холопская угодливость и пресмыкательство перед царем. Этого «героя» никак нельзя признать выразителем мыслей и чувств народных масс.

Народ, его представители—подлинные творцы и строители истории—в романе отсутствуют. К. Гамсахурдиа не сумел связать органическим единством частное и общее, личное своих персонажей — с общим, историческим. Его новая книга — это всего только жизнеописание царя и его придворных, их быта и приключений.

Но это значит, что и в новом произведении писатель не смог преодолеть тяготеющий над ним груз прошлого. Более того: вторую часть «Давида Строителя» К. Гамсахурдиа снабдил своеобразными комментариями, назвав их «Авторскими репликами». В этих «репликах» он отвечает тем, кто критиковал его книги. Оспаривая все критические замечания, К. Гамсахурдиа заявляет, что он не одинок в своем «отвержении», что он разделяет судьбу... Толстого, Бальзака, Стендаля, Флобера, которых также не понимали критики, как теперь не понимают его. При этом Толстому, Бальзаку, Стендалю, Флоберу, по мнению Гамсахурдиа, было куда легче, так как для своих исторических романов они пользовались изученным и устоявшимся материалом, ему же пришлось все самому разыскивать и открывать.

Не менее претенциозно и второе утверждение «Авторских реплик». До сих пор считалось, что язык новой грузинской литературы создали И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавела, А. Казбеги, Д. Клдиашвили. Но Гамсахурдиа утверждает, что А. Казбеги и Д. Клдиашвили до конца жизни оставались верны «местным наречиям», что в стихах В. Пшавелы преобладал «старо-грузинский тон», а И. Чавчавадзе и А. Церетели, хоть и боролись в молодости за обновление грузинского языка, вернулись затем к консервативным традициям, к «старому грузинскому тону». Создателем же и реформатором грузинского литературного языка К. Гамсахурдиа считает только себя самого.

«Авторские реплики» уже получили заслуженно резкую оценку в грузинской прессе. Печать справедливо охарактеризовала их, как манию величия и проявление провинциальной самовлюбленности автора. Но самое появление этих «реплик» указывает, что К. Гамсахурдиа все еще привержен к старому, отжившему и даже склонен отстаивать свою неверную концепцию понимания исторического процесса.

К. Гамсахурдиа—крупный и даровитый писатель, обладающий огромной трудоспособностью, многосторонними и обширными познаниями. С тем большей тревогой и озабоченностью должны отнестись к его дальнейшему творческому развитию Союз советских писателей, литературная общественность Грузии.

К. Гамсахурдиа стал на путь, который фактически означает отклонение от принципов социалистического реализма, на путь, который ведет не вперед, а в сторону от общего развития братских советских литератур. Этот факт еще раз указывает на то, к чему влечет чрезмерный уход некоторых грузинских писателей в давне-историческую тематику. Он еще раз подтверждает, что без живой органической связи писателя с нашей современностью творчество его приходит к кризису и застою.

ЧИКАГСКАЯ ПЕТЛЯ

Н. ВАСИЛЬЕВ

В'ехав в предместье Чикаго, я покупаю в первой же аптеке, торгующей не только медикаментами, но и всевозможными товарами, план города, изданный чикагским автоклубом. Без путеводителя в этом втором по величине городе США нетрудно заблудиться.

Первое, что мне бросается в глаза на развернутом плане, — это отпечатанный жирным шрифтом заголовок какого-то об'явления для туристов, в'езжающих в Чикаго на автомобилях. Читаю его, полагая, что оно касается правил уличного движения. Но нет, речь в нем идет о другом. Вот оно:

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Не оставляйте вещей в машине. Гаражи не отвечают по закону за потерю или кражу вещей из вашей машины. Если отельные или гаражные служители будут уверять вас, что оставлять в машине багаж, одежду, фотокамеры и др. вещи вполне безопасно, пренебрегите подобными заверениями.

Предостережение небесполезное; прочтя его, я склоняюсь к тому, чтобы в самом деле пренебречь заверениями о полной безопасности личного имущества.

Но в Чикаго, снискавшем себе мировую известность, главным образом, из-за расцветшего в нем пышным цветом гангстеризма, предупреждение насчет мелких краж, бесспорно, имеет не самое главное значение.

Правда, в годы войны волна бандитизма в Чикаго несколько схлынула. Но в послевоенное время повсеместно в США стала вновь быстро расти преступность, и Чикаго опять выдвинулся на первое место в качестве метрополии гангстеров.

Кстати говоря, большая часть «гангстерской славы» Чикаго незаслуженно приходится на долю бандитов Аль-Капоне и Диллинджера, которые в действительности были всего-навсего только учениками и подражателями своих более выдающихся предшественников. Далеко не все знают, что подлинными родоначальниками гангстеризма в Чикаго явились газетные магнаты Маккормик и Херст. С ними знакомы больше как с разбойниками пера, но их настоящее бандитское, с точки зрения уголовного права, прошлое остается обычно в тени, несмотря на отдельные попытки воздать им по заслугам и в этой области. Так, в 1939 году Гарольд Икес, уроженец Чикаго, бывший при президенте Рузвельте министром внутренних дел, попытался в своей книге «Американская палата лордов» разоблачить темное уголовное прошлое этих двух фашистских главарей США.

В начале нынешнего столетия они, пожалуй, первыми прибегли в конкурентной борьбе за рынок к помощи организованных ими гангстерских шаек, физически уничтожавших агентуру «противника», т. е. конкурирующей газеты. «На перекрестках, где лучше всего распространяются газеты, —пишет Икес,—стояла машина «Чикаго трибюн» (газета Маккормика.—Н. В.), поджидая продавцов херстовского «Экзаминера». Как только последние показывались, они попадали под обстрел... Херстовские молодчики отстреливались под защитой фургона для перевозки газет. Не успевшие укрыться гибли под пулями. Вместе с ними гибли и пешеходы». Такова красочная жанровая сцена, относящаяся к 1910 году. Уличные сражения банды Аль-Капоне с конкурирующими бандами в 20-х годах, в период расцвета бандитизма в Чикаго, были лишь продолжением этой «традиции».

Икес приводит и другие весьма убедительные факты, характеризующие уголовную деятельность полковника Маккормика и Херста. За ними числятся многие убийства. Маккормик убивал—о, конечно, не собственными руками!—не только своих конкурентов, но и лиц, разоблачивших его темные дела; в их числе, в частности, находился и председатель чикагского муниципалитета Гаррисон, застреленный в 1893 году одним из продавцов «Чикаго трибюн». Любопытно, что «на вооружении» у «американской газеты для американцев» (как именует себя «Чикаго трибюн») находились, помимо холодного и мелкого огнестрельного оружия, даже пулеметы.

Все это вспоминается нам в то время, когда мы, миновав застроенные фабричными и заводскими зданиями окраины, едем по широкой автостраде вдоль озера Мичиган. Проехав парк Гранта, сворачиваем с автострады и выезжаем на Мичиган-авеню — главную артерию Чикаго, на которой высятся небоскребы. Здесь же рядом находится деловой центр — крупнейший в стране филиал нью-йоркского Уолл-стрита. Он называется «Луп», что в переводе означает «петля». Такое название дано ему из-за внешнего сходства линии окружающих его небоскребов с захлестнутой петлей. Это случайное название звучит весьма символически. «Луп»—действительно петля, накинутая могущественной группой чикагских монополистов на шею американского народа.

Осматриваем «Луп». Улицы кажутся здесь узкими расщелинами между громадинами небоскребов. Над ними проходит надземная железная дорога. Это типичный «даун-таун» (нижний город), как всюду в Америке именуются деловые кварталы: банки, конторы, универмаги чередуются на Стэйт-стрит и Лассаль-стрит. Рядом, на Рандольф-стрит,—кино, кафешантаны, кабаки. Поближе к центру — дорогие, подальше—низкопробные. На каждом шагу лавчонки, торгующие галантереей, сувенирами и, кажется, больше всего порнографическими открытками. В южной части «петли» находится Торговая палата—самая большая в мире биржа, где спекулируют зерном.

От торговой палаты мы отправляемся на улицу Де-Ковен, вошедшую в историю Чикаго из-за грандиозного пожара 1871 года.

Здесь уже не парадный Чикаго парков и небоскребов. Тут на каждом шагу «сламс» — трущобы; они и расположены всего в нескольких минутах ходьбы от шикарной Мичиган-авеню. На углу улицы Де-Ковен видим несколько полуразрушенных, но обитаемых домов, какие-то хижины, сколоченные из старых досок и листов ржавого кровельного железа. Рядом, на пустыре играют оборванные ребятишки. Можно очень легко вообразить, что перед нами временное поселение погорельцев 1871 года. Но сейчас 1947 год. И то, что мы видим, это просто-напросто один из самых «обыкновенных» рабочих кварталов Чикаго. Именно в таких кварталах живет подавляющее большинство его четырехмиллионного населения, именно это, а вовсе не фронтальная линия небоскребов и парков вблизи озера, и есть его настоящее лицо.

На следующее утро мы вместе с экскурсионной группой осматриваем скотобойни Чикаго, занимающие площадь в сотни акров. Здесь находятся владения мясных королей Америки—Свифта, Армора и других. Наша группа попадает на мясокомбинат фирмы Свифта. «Джунгли»—эта ярко обличительная книга американского писателя Эптона Синклера, поведавшая всему миру о жуткой эксплоатации рабочих скотобоен и о невероятной антисанитарии, сделала чикагские мясоконсервные предприятия печально знаменитыми. В некоторых цехах мы видим почти исключительно негров. Нам рассказали,—разумеется, не официальные экскурсоводы,—что на наиболее грязные работы ставят и здесь только негров. В своем большинстве они не являются членами профсоюза и, следовательно, не имеют возможности организованно добиваться улучшения условий своего труда.

Далее мы проезжаем по Максуэлл-стрит, где находится открытый рынок типа пресловутой «толкучки». Тут идет торговля всевозможной рухлядью и подержаными вещами с рук и с лотков. Самые «крупные» предприятия Максуэлл-стрит помещаются в тесных лавчонках. В них едва можно повернуться. У входа обычно стоит хозяин, назойливо зазывающий покупателей. Рынок удивительно напоминает восточный базар. Мостовая Максуэлл-стрит настолько заставлена лотками, ящиками и корзинами, что, когда наша машина встречается с другой, нам удается разминуться только после долгого и осторожного маневрирования. Рынок Максуэлл-стрит — это универмаг бедноты, которая не может пользоваться многоэтажными магазинами чикагского монополиста торговли — Маршалла Филда.

Гуляя по Мичиган-авеню, мы останавливаемся возле витрины какого-то большого отеля; здесь выставлены газеты разнообразного формата, отпечатанные различными шрифтами и с датами прошлого столетия. Это все та же газета «Чикаго трибюн».

Роберт Маккормик ныне уже не только газетный магнат, устраняющий со своего пути конкурентов коммерчески или физически. Контролируя многие предприятия США и Канады (радиостанции, бумагоделательные фабрики, электростанции, судоходные компании и т. д.), Маккормик употребляет всю силу и влияние на поддержку фашистских организаций. Он помогает щедрыми взносами фашистской организации ветеранов мировой войны «Американское действие», «партии» Джеральда Смита «Америка прежде всего», «Националистической партии» и т. д. В свете политических симпатий «полковника» надо рассматривать и корпорацию его «молодчиков». Это его личная гвардия, являющаяся в то же время вспомогательным отрядом и резервом фашистских организаций.

Издательство «Чикаго трибюн» и газетный синдикат Маккормика помещаются на той же Мичиган-авеню в небоскребе, построенном в виде башни. Он стоит на участке, предназначенном для строительства городской школы, который Маккормик приобрел путем мошенничества по баснословно низкой цене и прикарманил таким образом несколько миллионов долларов. Но это не самая значительная его операция по прикарманиванию. Позднее он присваивал общественные деньги в еще большем масштабе. В 1937 году ему был пред'явлен иск в неуплате казначейству налогов на сумму около 30 миллионов долларов. Однако Маккормик при помощи своих ставленников в суде сумел повернуть дело так, что иск остался без всяких последствий. Американские бизнесмены крадут десятки миллионов долларов и не только преуспевают в салонах плутократии, но и стоят на самой высокой ступени американской социальной иерархии.

Михаил СВЕТЛОВ

О ТВОРЧЕСТВЕ И РЕМЕСЛЕ, О ВДОХНОВЕНИИ И ПРИБЫЛИ

На страницах английского журнала «Райтер» («Писатель») некая Кэтрин Диссингер, фабрикующая всякого рода бульварные, любовные и прочие истории, делится секретами своего успеха. Она советует начинающим писателям «завести карточки на все выходящие в США журналы, разбив их на группы по общности тематики и непременно поместив во главе листа те, которые платят лучше всего. Выгодность этого заключается в том, что если рассказ, написанный для определенной группы журналов, будет отвергнут одним из них, его можно посылать в следующие по списку, пока он, наконец, не будет помещен».

Это настолько противно, что даже ругаться не хочется, тем более, что автор — женщина.

Что касается мужчин, то, скажем, один из них, преуспевающий поэт Гордон М. Браун, делясь опытом в том же журнале, деловито подчеркивает: «... Я изучал и анализировал рынок сбыта»; иначе говоря, он составил себе подробную схему, какие стишки требуются каким изданиям и почем там платят за строку, после чего стал успешно продавать свои произведения.

Как видите, мы с вами попали, читатель, в «шикарное» общество. Здесь и большое знание жизни, и вежливость — «извините», если вас даже не толкнули. Все, кроме обычной человеческой честности и моральной чистоплотности.

В погоне за куском хлеба буржуазному писателю, видимо, некогда задумываться над тем, что такое подлинный художник. Но не этим об'ясняется его, мало сказать, бездумье, вернее, аморальное бездумье. Лошадь мало думает вовсе не потому, что она много бегает. Лошадь иначе не может. Весь смысл ее жизни в том, чтобы ей побольше «задали овса». Для этого и рекламируется в журнале «Райтерс маркетс энд методс» («Методы писателя и рынок») об'явление, в котором известное литературное агентство Палмер берется представлять интересы молодых писателей за десятипроцентное отчисление с их гонорара. Вот как оно определяет таланты и литературные возможности писателей: «Будем рады представлять вас, если вы в прошлом году продали рассказов не меньше чем на 500 долларов».

Сочинители подобных «пособий» — эти люди-лошади — обвиняют нас — советских писателей — во всех семи смертных грехах. Они обвиняют нас в том, что мы, видите ли, «служим государству».

Когда нас за это же самое хвалят друзья, мы понимаем и одобряем их. Но когда нас в том же обвиняют вышецитированные «писатели», мы просто смеемся. Нельзя, чтобы козел обвинял человека в том, что он — человек—бреется.

Мало сказать, что мы — люди морали. Мы — люди высокой социалистической морали. Мало того, что мы служим интересам государства. Мы делаем это по велению внутреннего писательского долга и вне этого служения не мыслим себе ни работы нашей, ни жизни.

Постараюсь пояснить это на личном примере и на примере своих друзей и современников.

Мы—свидетели и участники колоссальных общественных сдвигов и потрясений, воспитанные коллективом и никогда не желавшие оставаться в одиночестве, видевшие разруху и преодолевшие ее, хоронившие погибших в боях товарищей и передававшие прощальный привет их матерям, мы, продолжающие творить с народом свое **главное**, — мы не нуждаемся в американских пособиях: «Как с успехом писать и с прибылью продавать...»

И еще честно признаемся,—мы, советские поэты, не понимаем и не хотим понимать «чистой» лирики. Не знаю, как в живописи, а в нашей поэзии уже невозможен пейзаж без человека. Даже когда в стихотворении ты пишешь «я», все равно, ты обращаешься к товарищу. Абстрактная лирика — то же, что нарисованный лес— иногда похоже, но ни запаха, ни пения птиц. Мы, советские поэты, в нарисованном лесу жить не можем.

Я вспоминаю лучшие произведения наших поэтов, мысленно выбрасываю из них их активную идейную устремленность и прихожу в ужас — на мой взгляд, лирика перестает быть лирикой.

Журнал «Райтер» признает только писателей, заработавших рассказами в прошлом году не менее 500 долларов, т. е. писателей, уже «сделавших карьеру».

Кому из нас не доставляет радости появление нового талантливого писателя? Но никто у нас не требует от этого «новичка» пред'явления чековой книжки.

Общеизвестно, что у нас работает множество литературных консультаций, функционируют специальные «Дома творчества», бесчисленные литературные кружки, есть специальный литературный вуз, созываются частые читательские конференции, существуют специальные творческие командировки.—Итак, подсчитайте, сколько государство наше тратит одних только денег на внимательное и любовное «уловление талантов»,—и сразу станет ясным, что сумма затрат на растущего талантливого рабочего или колхозника значительно превышает то, что любой буржуазный издатель из меценатов расходует на издание многотомного собрания сочинений уже известного писателя. Чем это об'яснить? Разумеется, все тем же, совершенно различным, полярно-противоположным подходом к писателю у нас и в странах капитализма. Их сугубо «деловой» подход не только выхолащивает душу молодого писателя, но и заранее лишает его всякой творческой перспективы, всякой веры в будущее. Именно это с предельной искренностью отчаяния выражено в статье Сесиля Палмера, помещенной в английском журнале «Инглиш дайджест»:

«...Печальным фактом является, бесспорно, то обстоятельство, что литератор, и, в особенности, молодой и неизвестный, быстро становится как бы перемещенным лицом в нашем литературном мире... Какой шанс на успех имеет в настоящее время молодой автор? Даже, если предположить, что новому автору и удалось добиться хвалебных отзывов критики о своей новой книге, — какая у него может быть надежда на то, что достигнутый им успех будет закреплен в будущем? Конечно, весьма слабая надежда. Все этапы, начиная от перехода рукописи в книгу, от издания книги к рецензированию ее и от рецензирования к переизданию, характеризуются неуверенностью, крушением надежд, бесконечными отсрочками.

Литературный труд, как источник существования, быстрым темпом превращается в фарс».

Это касается не только писателей, но в полной мере относится и к журналистам. Вот что пишет о них Гренвилль Паук — издатель журнала «Эврибоди»: «...Они выполняют грустную работу, имеющую перед собою весьма мало перспектив. Что же касается начинающих авторов, то положение с ними настолько плачевно, что было бы безумием смотреть на него через «розовые очки»...

Таковы неизлечимые пороки буржуазной литературы Запада — следствие такой болезни, как старческий маразм!

Роскошная жизнь гитлеровцев в Бизонии

По иронии судьбы, лагерь Лангвассер расположен близ Нюрнберга, то-есть неподалеку от того самого места, где были осуждены главные военные преступники. Но обитателям лагеря, который больше походит на санаторий, ничто не напоминает о днях Нюрнбергского процесса. Находящиеся здесь эсэсовские генералы, офицеры и крупные нацистские военные преступники чувствуют себя отлично; здесь же благополучно пребывает небезызвестный Ганс Фриче, правая рука Геббельса, избегший виселицы лишь благодаря заступничеству англо-американских и французских судей в Нюрнберге.

Администрация лагеря не жалеет усилий, чтобы создать привольную жизнь всей этой фашистской шайке. «Заключенным» предоставлены прекрасно обставленные квартиры с коврами на стенах и старинными мягкими креслами в салонах, с комфортабельными ваннами и радиоприемниками последних моделей. Им доставляются американские сигареты и старое шотландское виски. Когда «заключенным» надоедает лагерная жизнь, они отправляются на прогулку в город, свободно навещают своих друзей и знакомых. По субботам и воскресеньям они сами принимают гостей.

Роскошное существование ведут при попустительстве и прямой поддержке американских властей жены и близкие родственники нацистских главарей.

В Баварских Альпах, на побережье озер Штарнбергзее и Тегернзее, утопают в зелени многочисленные дачи и замки. Сюда переместился «высший свет» гитлеровской Германии. В этом своеобразном заповеднике живут овдовевшие экс-фюрерши. Жена Гесса занимается разведением пони, жена Риббентропа пишет мемуары. Здесь коротают время жены Геринга, Фрика и Франка, а также жены экс-фюрера гитлеровской молодежи Бальдур фон Шираха и матерого гитлеровского шпиона Канариса.

Возникает вопрос: откуда все эти жены главных военных преступников; по сути дела сами подлежащие привлечению к ответственности, получают обильные средства для ведения столь роскошного образа жизни и по какому праву владеют они виллами и замками? Разве союзниками не были приняты совместные решения о конфискации всего имущества нацистских главарей? Такие решения были приняты. Но американские оккупационные власти выполнили их по-своему. Вместо того чтобы конфисковать имущество, они передали его наследникам. Так, Эмма Геринг попрежнему владеет охотничьим замком в Берипщелль и виллой вблизи Берхтесгадена; у жены Франка — поместье и вилла на берегу озера Аммерзее; жена Фрика живет у озера Штарнбергзее в вилле стоимостью в два миллиона марок; у жены Бальдур фон Шираха—замок и вилла в Кохеле (Верхняя Бавария); у жены Гесса — 2 доходных дома в Мюнхене. Жена и родственники бежавшего Мартина Бормана владеют в Баварии почти сотней домов и вилл.

Такое положение никого в Бизонии не удивляет, ибо официальные представители американских властей открыто афишируют свои связи с военными преступниками. На блестящих приемах и балах, устраиваемых поочередно то «радушными хозяевами», то «великодушными победителями», американские дипломаты отлично себя чувствуют в обществе матерых нацистских преступников.

Недавно на нашумевшем бракосочетании консула США в Мюнхене Сэма Вуда с фрау Буш — наследницей знаменитых пивоваров Чикаго, — за свадебным столом рядом с молодоженами восседали два самых почетных гостя: Ван Вагонер — начальник американской военной администрации в Баварии, и бывший регент фашистской Венгрии Хорти, нашедший себе пристанище на берегах того же озера Штарнбергзее.

Весело живут гитлеровцы в Бизонии!

В. ГАЛКИН

Вл. РУБИН

Мода на Спендера

На страницах буржуазной печати Англии, США, Франции все чаще мелькает имя английского писателя Стивена Спендера. Он выступает в новой роли публициста и «комментатора событий», поучающего читателей уму-разуму.

В прошлом Спендер был известен английским читателям, как поэт и новеллист. Вместе с поэтами Оденом и Дэй Льюисом он входил в так называемую «оксфордскую группу». Было время, когда эти три поэта заигрывали с левыми литературными направлениями, писали стихи об Испании. Теперь все это позади. «Грехи юности» замолены и позабыты, «молодые люди» остепенились и стали вполне респектабельными. Оден, переселившись с первых же дней войны в США, углубился в «самосозерцание» и мистику. Дэй Льюис время от времени публикует в «Горизонте» или «Орфее» декадентские стишки. А Спендер?.. Спендер успешно подвизается в роли литературного коммивояжера реакции. Он пишет статьи, выступает с речами, дает интервью. Короче говоря, Спендер в моде. Как на резвую лошадку, на него ставят ставку мастера темных политических афер.

И Спендер делает все, чтобы оправдать их ожидания. Резвость его поистине необыкновенная. Только что он выступал с поучениями в лондонской прессе, а глядишь, — уже вещает с трибуны в Женеве. Проходит немного времени, и мы находим его след в Париже. Сейчас он в США. Колледж Сен-Лоренс пригласил его для чтения лекций. Газеты во главе с «Нью-Йорк таймс» печатают его пространные статьи и заявления. Американские радиостанции передают их текст для Европы.

Чем об'яснить такой спрос на Спендера у организаторов реакционной пропаганды? Выступления Спендера рассчитаны на определенную аудиторию. Он обращается к так называемой «колеблющейся» части западноевропейской и американской интеллигенции. С одной стороны, ее страшит возможность новой войны. Но в то же время она не борется против этой угрозы, не примыкает к народным массам, к передовым деятелям культуры, активно отстаивающим идею мира и выступающим против реакции. Этих колеблющихся интеллигентов реакционные демагоги усиленно запугивают «коммунистической опасностью». Но грубый окрик какого-нибудь американского адмирала, призывающего «послать к чорту» всех, кто препятствует планам американского империализма, может их, пожалуй, шокировать. И вот для общения с такого рода аудиторией весьма подходящей фигурой явился Спендер. Сейчас он оказался, как говорят англичане, надлежащим человеком на надлежащем месте.

Спендер явно одержим желанием играть в Англии роль французского диверсанта от литературы Мальро. Свои выступления в прессе Спендер начинает обычно с наиболее доступных для его аудитории вопросов литературы и искусства. С подлельным жаром и наигранным пафосом профессионального обманщика он уверяет, что политика ему чужда, что он приверженец если не безоговорочно «чистого» искусства, то во всяком случае искусства, далекого от определенных политических убеждений.

Это не мешает ему достаточно агрессивно пропагандировать свои «убеждения», щедро оплаченные фунтами и долларами. Так, он поучает, что для выполнения писательской миссии вовсе не должно занимать «морально правильную и благородную позицию». Сам Спендер подает в этом смысле пример: он предлагает примириться с социальной несправедливостью, которая, по его мнению, есть лишь «внешнее зло», и советует обратиться к преодолению «внутреннего зла». Даже в фашизме Спендер видит не что иное, как «демоническое начало», и предоставляет фашистам заняться самоусовершенствованием и самим очищаться от «внутреннего зла».

Свои призывы к «внутреннему самосовершенствованию», вполне устраивающему любого оставшегося безнаказанным военного преступника, Спендер сочетает с озлобленными нападками на коммунистов.

Выступая в Женеве на так называемой «международной встрече», посвященной «европейскому духу», этом сборище врагов национального суверенитета европейских народов, Спендер пытался морально подготовить интеллигенцию Западной Европы к принятию планов американских колонизаторов. Он проповедывал смирение и самоограничение — некий «паек» Маршалла в отношении как материальных, так и духовных ценностей. Напоминая о том, как полезно бывает «поститься и жить в уединении», Спендер призывал «воплотить этот принцип в социальных устремлениях», учитывая вдобавок «религиозный опыт прошлого». Он ратовал за умерщвление плоти и духа, для того чтобы оправдать закабаление Европы монополистами с Уолл-стрита.

В своих последних выступлениях Спендер разоблачил себя как прямой агент американской реакции на литературном фронте. В первом же интервью, по прибытии в США осенью 1947 года, Спендер поспешил, к удовольствию своих гостеприимных хозяев, намекнуть, что «план Маршалла» не только не наносит ущерба английской культуре, но даже может оказать самое положительное влияние на английскую литературу.

Нет такого «тезиса» американской империалистической политики, который не нашел бы в лице Спендера усердного пропагандиста. Выступая с гнилых космополитических позиций, Спендер призывает «современных строителей Вавилонской башни» поднять ее «до идеи Мирового Правительства», разумеется, под эгидой США. Спендер ратует за об'единенную Европу, которая явилась бы американской колонией. Пользуясь американскими шпаргалками, он запугивает своих слабонервных читателей «опасностью с Востока». Следуя указке американской пропаганды, призывающей к превращению Германии, по крайней мере западных ее зон, в «оплот против большевизма», он пугает «быстро развивающейся жизнеспособностью народов Восточной Европы и Азии». И все это для того, чтобы провозгласить единственный, по мнению Спендера, выход из тупика. «Америка способна спасти Европу, — восклицает Спендер. — Все нити в Европе ведут к Америке».

Более того, Спендер уверяет, что именно в США в мае 1948 года он обнаружил свободу мысли. Как раз в те дни, когда присудили к тюремному заключению Говарда Фаста и других прогрессивных писателей, когда заправилы «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» справляли свой шабаш ведьм, Спендер писал в «Нью-Йорк таймс мэгезин»: «Свобода мысли и печати в Америке... безусловно покорит сознание европейцев». Беря на себя смелость выступить от имени «европейцев», Спендер умиленно просит Америку продолжать «интересоваться судьбой их цивилизации».

Совершенно естественно, что раболепие перед буржуазией США сочетается в писаниях Спендера с злобной ненавистью к Советскому Союзу и странам народной демократии. Победа демократических сил в Чехословакии вызвала у Спендера новый приступ ярости. Побивая свои собственные рекорды, он громоздит ложь на клевету, по существу, выступая как поджигатель войны. Нью-йоркский климат пошел Спендеру впрок; «певец» интеллектуализма успешно соперничает с любым херстовским борзописцем.

Буржуазная зарубежная критика пишет о Спендере — поэте, новеллисте, литературоведе — почтительно, как о «мэтре». Стоит обратиться к его произведениям, чтобы увидеть в них яркое проявление декаданса. В его стихах — увлечение патологией, проповедь индивидуализма. Героем одного из своих стихотворений он избрал... Ван дер Люббе. Герои рассказов Спендера — порочные, извращенные люди: душевно больной алкоголик («Мертвый остров»), извращенный юноша («Горящий кактус») и еще более патологический персонаж из рассказа о пансионе для ненормальных детей («На озере»).

В критических статьях Спендер яростно нападает на социалистический реализм. Он ополчается вообще против социального романа. В самом деле, какой может быть сейчас социальный роман, если, по безапелляционному заявлению Спендера, теперь повсюду «барьеры между классами... снесены», а англичане, в частности, «достигли единения». Это особенно выразительно звучит в дни, когда в Англии после забастовки докеров введено чрезвычайное положение.

Социальному роману Спендер противопоставляет упадочный роман Джойса, Пруста и Вирджинии Вульф. Спендеру же принадлежит «оригинальное» утверждение, что эти писатели, которых он называет корифеями XX века, стоят выше Толстого, Диккенса и Бальзака, поскольку классики изображали человека, социально связанного со своей эпохой, а вот, мол, распад человеческой личности у декадентов отображает «вечное» в человеке.

Столь же последователен Спендер в распределении лавровых венков среди современников. Так, «единственного продолжателя Стендаля» он узрел все в том же Мальро, творческий крах которого не может скрыть даже французская буржуазная критика.

Литературные оценки Спендера, как мы видим, не расходятся с его политическими суждениями; напротив, они дополняют друг друга. Спендер стоит сейчас в одном ряду с самыми рьяными литературными лакеями Уолл-стрита, действующими в США, Англии, Франции. Все они делают одно и то же черное дело. И с полным основанием прогрессивные писатели мира считают разоблачение этой литературной агентуры реакции одной из существенных своих задач.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02620.